

A butterfly with golden wings is positioned in the upper right corner of the image. The background is a soft pink with a watercolor-like texture and is covered in numerous small, golden speckles. The text is centered and rendered in a bold, golden, sans-serif font.

WALKING

ДЖЕЙМИ МАКГВАЙР

DISASTER

МОЕ ХОДЯЧЕЕ
НЕСЧАСТЬЕ

Сто оттенков любви

Джейми Макгвайр

Мое ходячее несчастье

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Макгвайр Д.

Мое ходячее несчастье / Д. Макгвайр — «Эксмо», 2013 — (Сто оттенков любви)

ISBN 978-5-04-187262-5

Переиздание романа Джейми Макгвайр «Мое ходячее несчастье» в новом оформлении. Бестселлер New York Times. Права на издание книги проданы в 26 стран. Экранизация первой части трилогии «Мое прекрасное несчастье» с Диланом Спроусом и Вирджинией Гарднер — уже этой весной! Трэвис Мэддокс — парень, от которого точно стоит держаться подальше. Днем он изучает уголовное право и попутно разбивает девушкам сердца, ночью превращается в Бешеного Пса — легенду подпольных боев. Но все меняется в один миг: он встречает девушку по имени Эбби Эбернати. Она врывается в его жизнь словно цунами, сбивает все ориентиры и рушит планы, оставляя лишь руины его прежней жизни. До этого момента Трэвис был уверен, что он непобедим. Но Эбби изменит его мнение. У каждой истории две стороны. Пришло время посмотреть на события романа «Мое прекрасное несчастье» глазами Трэвиса Мэддокса.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-187262-5

© Макгвайр Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава I	9
Глава II	17
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	33
Глава VI	40
Глава VII	48
Глава VIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джейми Макгвайр

Мое ходячее несчастье

Jamie McGuire

WALKING DISASTER

Copyright © Jamie McGuire, 2013

© Николенко М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Художественное оформление Александра Андреева

* * *

Посвящается Джозефу, моему прекрасному несчастью

Пролог

На лбу у нее выступил пот, и она прерывисто дышала, но все равно казалась мне красивой. Привычный персиковый румянец потускнел, глаза не горели, как раньше, и все-таки она была прекрасна. Такой прекрасной женщины я никогда больше не встречал.

Ее рука свесилась с кровати, пальцы пошевелились. Мой взгляд упал на пожелтевшие ломкие ногти, потом поднялся до исхудавшего плеча и наконец остановился на глазах. Слегка приподняв веки, она дала понять, что видит меня. Я очень любил эту ее черту: глядя на мое лицо, она всегда видела именно меня, а не десятки вещей, которые ей предстояло переделать за день. И она не делала вид, будто слушает мои глупые истории. Она их действительно слушала, и ей было по-настоящему интересно. Другие просто кивали, думая о своем, но только не она. Ее внимание всегда было искренним.

– Трэвис, – ее голос дребезжал. Она прокашлялась и приподняла уголки рта, – подойди, малыш. Не бойся, подойди.

Папа дотронулся пальцами до моей шеи и подтолкнул меня вперед, не переставая слушать, что говорила ему сиделка. Он называл ее Беки. Первый раз она пришла к нам несколько дней назад. У нее был ласковый голос и внимательные, пожалуй, даже милые глаза, и все-таки она мне не нравилась. Я не мог объяснить почему, но ее присутствие меня пугало. Я знал, что она, наверное, помогает нам. Тем не менее появление этой женщины в нашем доме не было радостным событием, хотя папа с ней вроде бы вполне ладил.

Почувствовав папино прикосновение, я сделал несколько шажков вперед. Теперь мама могла до меня дотронуться. Она потянулась ко мне и погладила мою руку длинными изящными пальцами.

– Не бойся, Трэвис, – прошептала она. – Мама хочет тебе кое-что сказать.

Я сунул палец в рот и, теребя им десны, нетерпеливо закивал. Заметив, что мамина слабая улыбка стала чуть-чуть шире, я решил почаще махать головой и сделал еще один шаг. Мама собрала оставшиеся силы и, приблизив ко мне свое лицо, набрала в легкие воздух:

– То, о чем я тебя попрошу, будет очень непросто сделать, сынок. Но я знаю, ты справишься, ведь ты у меня уже большой.

Я опять кивнул и улыбнулся в ответ на ее улыбку. Мне совсем не было весело, и я даже чувствовал, что ни к чему улыбаться, когда мама выглядит такой уставшей и так плохо себя чувствует. Но она радовалась моему храброму виду, и я старался держаться молодцом.

– Трэвис, я очень хочу, чтобы ты меня выслушал и постарался запомнить мои слова. Это будет непросто. Я пыталась вспомнить все, что было со мной, начиная с трех лет, и я... – Она осеклась: боль стала слишком сильной.

– Совсем тяжело, да, Диана? – спросила Беки, втыкая иголку в мамину вену.

Через некоторое время боль приутихла. Мама еще раз вздохнула и опять заговорила:

– Сделаешь это для меня? Запомнишь то, что я тебе скажу? – Я снова кивнул. Она дотронулась до моего лица. Кожа была холодная, пальцы дрожали. Мама смогла продержать руку на весу всего несколько секунд и уронила ее на постель. – Во-первых, не нужно стыдиться, если тебе грустно. Чувства – это нормально. Запомни. Во-вторых, постарайся как можно дольше быть ребенком, Трэвис. Веселись, играй, делай глупости. – В маминых глазах блеснул огонек. – Ты, твои братья и папа должны заботиться друг о друге. Даже когда ты вырастешь и уедешь, не забывай иногда возвращаться домой. Это важно. Понимаешь? – Я в очередной раз энергично махнул головой вверх-вниз, стараясь порадовать маму. – Когда-нибудь ты влюбишься. Не соглашайся на малое. Выбери девушку, которую нужно будет завоевать, и борись за нее. Не переставая. Никогда, – мама сделала глубокий вдох, – не переставай бороться за то, чего ты

хочешь добиться. И никогда, – она сдвинула брови, – не забывай, что мама тебя любит. Даже если ты меня не видишь. – По ее щеке покатилась слеза. – Я всегда, всегда буду тебя любить.

Она судорожно вздохнула и закашлялась.

– Достаточно, – сказала Беки, засовывая какую-то смешную штуковину себе в уши и прикладывая ее другим концом к маминой груди. – Пора передохнуть.

– Времени нет, – прошептала мама.

Беки посмотрела на папу:

– Уже совсем скоро, мистер Мэддокс. Наверное, надо позвать остальных мальчиков, чтобы попрощаться.

Папины губы сжались в тугую нитку. Он покачал головой и с усилием выдохнул:

– Я не готов.

– Вы никогда не будете готовы к тому, чтобы потерять жену, Джим. Но вы ведь не хотите, чтобы она ушла, не попрощавшись с мальчиками.

С минуту папа не отвечал. Потом он вытер нос рукавом, кивнул и, тяжело топая, как будто на кого-то рассердился, вышел из комнаты.

Я смотрел на маму. Смотрел, как она пытается дышать и как Беки проверяет непонятные цифры на коробочке, которая лежит рядом с ней. Я дотронулся до маминого запястья. Казалось, глаза сиделки знают что-то, чего не знаю я, и от этого мне было не по себе.

– Понимаешь, Трэвис, – сказала Беки, наклоняясь и заглядывая мне в глаза, – я дала маме лекарство, от которого она уснет. Но во сне она будет тебя слышать. Поэтому ты можешь сказать ей, что любишь ее, что тебе будет ее не хватать. Она все услышит.

Я посмотрел на маму и быстро мотнул головой:

– Не хочу, чтобы мне ее не хватало.

Беки положила на мое плечо теплую, мягкую ладонь, как всегда делала мама, когда я из-за чего-нибудь расстраивался.

– Она тоже хочет быть здесь, с тобой. Очень хочет. Но Иисус зовет ее к себе.

Я нахмурился:

– Мне она нужнее, чем Иисусу.

Беки улыбнулась и поцеловала меня в макушку.

Папа постучал и открыл дверь. Мои братья стояли по обе стороны от него на пороге. Беки взяла меня за руку и отвела к ним.

Трентон не отрывал глаз от маминой кровати, а Тэйлор и Тайлер, наоборот, смотрели куда угодно, только не туда. Мне немного полегчало от того, что все они выглядели такими же напуганными, каким я себя чувствовал.

Томас встал рядом со мной, выступив немного вперед: он всегда так становился, защищая меня, когда мы играли во дворе перед домом и соседские мальчишки пытались затеять драку с Тайлером.

– Она плохо выглядит, – сказал Томас.

Папа кашлянул.

– Мама уже давно тяжело болеет, и она... скоро она... – Его голос оборвался.

Беки, сочувственно улыбнувшись, пришла ему на помощь:

– Мама ничего не ест и не пьет. Жизнь покидает ее тело. Это очень тяжело, но пора сказать маме, что вы любите ее, будете по ней скучать и что она может уйти спокойно. Ей важно это знать.

Мои братья синхронно кивнули. Не кивнул только я. Я не считал, что она может спокойно уйти, и мне было все равно, нужна она Иисусу или нет. Это была моя мама. Он мог забрать какую-нибудь другую маму, старую, у которой нет маленьких мальчиков, которой не надо ни о ком заботиться. Я старался запомнить все, что она мне сказала, изнутри приклеить ее слова к

своей голове. Играть. Навещать папу. Бороться за тех, кого люблю. Это, последнее, особенно беспокоило меня: я любил маму, но не знал, как за нее бороться.

Беки наклонилась к папиному уху. Он покачал головой и кивнул моим братьям:

– Ладно, ребята. Давайте прощаемся с мамой. Потом ты, Томас, уложишь их всех спать. Им ни к чему видеть остальное.

– Да, сэр, – сказал Томас и попытался сделать храброе лицо, но глаза у него были такие же грустные, как у меня.

Он что-то сказал маме, потом подошли Тэйлор с Тайлером и с двух сторон зашептали ей в уши. Трентон долго плакал и обнимал ее. Все они говорили, что она может спокойно уходить. Кроме меня. А мама больше ничего не говорила.

Томас потянул меня за руку, чтобы вывести из маминой спальни. Я шел задом наперед, пока мы не оказались в коридоре. Я попытался представить себе, что мама просто уснула, но от этого только голова закружилась. Брат подхватил меня и понес вверх по лестнице в ванную. Он ускорил шаг, когда сквозь стены послышался папин плач.

– Что она сказала тебе? – спросил Томас, открывая кран.

Я не ответил. Я слышал вопрос и помнил каждое мамино слово, как она велела, но не мог ни плакать, ни говорить.

Томас через голову стащил с меня забрызганную грязью рубашку, стянул и бросил на пол мои шорты, а потом трусы и майку с паровозиком.

– Давай-ка в ванну, малыш. – Он поднял меня, посадил в теплую воду, намочил губку и провел ею по моей голове. Я не мигнул и даже не попытался увернуться от струек, которые текли мне на лицо, хотя вообще-то терпеть не мог купаться. – Вчера мама сказала, чтобы я заботился о тебе, о близнецах и о папе. – Томас сложил руки на краю ванны и, опершись о них подбородком, посмотрел на меня. – Я так и буду делать, ладно, Трэв? Буду о тебе заботиться. Так что не беспокойся. Мы все будем очень скучать по маме, но ты не бойся: с тобой все будет в порядке. Обещаю.

Я хотел кивнуть и обнять его, но ничего этого у меня не получилось. Вместо того чтобы бороться за нее, я был наверху и торчал в ванне, как истукан. Я уже разочаровывал ее. Собрав в узелок путающиеся мысли, я пообещал ей, что сделаю все, о чем она мне говорила, как только мое тело снова заработает. Как только грусть пройдет, я начну не переставая играть и не переставая бороться. Это и правда будет очень тяжело.

Глава I

Голубка

Долбаные стервятники. Они могут часами выжидать, когда ты им достанешься. Сидят над тобой целыми днями. И ночами. Пялятся на тебя, выбирая, какой кусок твоего тела будет удобнее ухватить, где мясо самое вкусное, самое нежное.

Только одного они не знают: жертва может притворяться. Этот трюк всегда застает их врасплох. Они ждут себе, ни о чем не подозревая. Думают, ты вот вот-вот подохнешь, нужно только проявить терпение. И тут ты наносишь удар своим секретным оружием: отказываешься уважать статус-кво, отказываешься подчиняться существующему порядку. То, что тебе наплевать на этих хищников, просто парализует их.

Противники на ринге, всякие вонючие козлы, осыпающие тебя оскорблениями в надежде, что ты дашь слабину, женщины, норовящие связать тебя по рукам и ногам, – ничем таким меня было не удивить.

Я с юности вел себя очень осторожно, старался не попадаться в когти всем этим сволочам. Я знал много идиотов, которые распускали нюни и отдавали себя с потрохами, стоило какой-нибудь алчной девице притворно улыбнуться или поплакаться им в жилетку. Пожалуй, я один плыл против течения. Я был не таким, как эти доверчивые бедняги, которым, думаю, приходилось очень нелегко. По мне куда проще было подавить свои эмоции, замаскировать их молчанием или злобой – ведь ее я худо-бедно научился контролировать, в отличие от тех, других чувств, которые делают человека таким уязвимым. Я много раз объяснял это своим родственникам и друзьям, но они выслушивали меня с явным неодобрением. Я много раз видел, как кто-нибудь из них мучается и теряет сон из-за тупой сучки в сексапильном прикиде на «трахни-меня»-каблуках, хотя ей на всех, кроме себя, насрать, и всегда удивлялся, почему со мной упорно не хотят соглашаться. Женщина, которая стоит таких страданий, не станет кидаться тебе на шею. Не позволит затащить себя в постель в первый же вечер. И даже на десятый вечер не позволит.

Моих теорий никто не признавал, потому что они противоречили существующему положению вещей. Ты встречаешь привлекательную девушку, занимаешься с ней сексом, влюбляешься в нее до потери сознания, а потом все рушится, и ты страдаешь – таков был общепринятый порядок, которому все подчинялись.

Но только не я. Ни в коем случае. Плевал я на него.

Я давно решил, что буду кормиться за счет стервятников, пока не прилетит голубка. Существо, которое не идет по чужим головам и, устраивая свою жизнь, не приносит никого в жертву собственным привычкам и интересам. Женщина смелая. Открытая. Умная. Красивая. Мягкая. С которой можно было бы связать жизнь навсегда. Которая останется неприступной до тех пор, пока у нее не появятся основания тебе доверять.

Я стоял у открытой двери своей квартиры, стряхивая пепел с почти докуренной сигареты. Перед глазами у меня то и дело возникала та девушка в забрызганном кровью розовом кардигане, которая выскочила на арену во время боя. Ни секунды не раздумывая, я назвал ее голубкой. Ни секунды не раздумывая, я признал в ней ту самую голубку. От такого странного обращения она совсем растерялась. Алые капельки на лице, широко раскрытые глаза... Кажется, она сама невинность, но я знал, что это только маска. Стараясь отогнать от себя мысли о ней, я тупо посмотрел в сторону гостиной.

Меган лениво разлеглась на диване и смотрела телевизор. Судя по виду, она скучала, и я удивился, что она до сих пор здесь. Обычно она собиралась и сваливала, как только мы потрахемся.

Я открыл дверь пошире, петли жалобно скрипнули. Я кашлянул и подобрал с полу рюкзака:

– Меган, я ухожу.

Она села, потянулась и взялась за серебристую цепочку своей огромной сумки: у нее небось и барахла-то столько не было, чтобы набить ее до конца. Повесив сумку на плечо, она сунула ноги в босоножки на высоком каблуке и вальяжно направилась к двери.

– Пришли эсэмэску, если заскучаешь, – сказала она, даже не взглянув на меня, потом надела солнечные очки с непропорционально большими стеклами и спустилась по ступенькам, нисколько не смущенная тем, что я ее выпроводил. Эта девица всегда была такой невозмутимой, потому-то и стала одной из моих немногочисленных постоянных подружек. Она не изображала преданность, не устраивала сцен. Воспринимала наши взаимоотношения как есть и, разделившись со мной, шла дальше по своим делам.

Мой «Харлей» поблескивал на утреннем осеннем солнце. Я подождал, пока Меган отъедет от дома, и сбежал вниз по лестнице, на ходу застегивая куртку. Лекция доктора Рузера начиналась через полчаса, но ему было плевать, опоздаю я или нет. А раз он не злился из-за опозданий, то и не стоило нестись во весь опор, рискуя убиться.

– погоди! – послышалось у меня за спиной. На пороге нашей квартиры стоял Шепли. Он был без рубашки и, подпрыгивая на одной ноге, напяливал на другую носок. – Забыл спросить тебя вчера: что ты сказал Мареку? Там, на ринге, ты ему что-то шепнул, и он от этого как будто язык проглотил...

– Я шепнул ему, что его мамаша – бешеная кошка, и поблагодарил за то, что несколько недель назад он убрался из города.

Шепли посмотрел на меня с сомнением:

– Да ладно! Брось!

– Ну хорошо. Я слышал от Кэми, что в округе Джоунс Марек вляпался по статье «Употребление алкоголя несовершеннолетними».

Шепли покачал головой, а потом кивнул в сторону дивана:

– Разрешил Меган остаться на ночь?

– Нет, Шеп, ты же меня знаешь!

– Просто забежала с утреча перепихнуться перед занятиями, да? Видно, ей приятно, что ты у нее сегодня первый, а другие будут подбирать за тобой остатки.

– Думаешь, ей не все равно?

– Может, и нет. Это же Меган, кто ее знает? Слушай, мы с Америкой как раз едем в кампус. Могу тебя подхватить.

– Нет, присоединюсь к вам попозже, – сказал я, надевая очки. – Хочешь, я подвезу твою Мер?

Он скривил физиономию:

– Хм... Нет.

Я уселся на мотоцикл и завел двигатель, посмеиваясь над тем, как Шеп отреагировал на мои последние слова. Я частенько соблазнял подружек его девчонки, но существовала черта, которой я бы ни за что не пересек. Америка была его. Стоило ему проявить к девушке интерес, и она тут же оказывалась вне поля действия моих радаров. Больше я на нее даже не смотрел. И он это знал. Просто любил иногда повыделываться.

Я встретил Адама в Сиг Тау¹. Он руководил нашими подпольными боями. Мы договорились, что сразу же после победы я получаю первую выплату, а на следующий день он собирает выручку от тотализатора и берет из нее долю за свои хлопоты. Он все организовывал, а я бил

¹ Сокращенное название мужского студенческого союза «Сигма-тау-гамма», основанного в 1920 году и имеющего несколько десятков филиалов на территории США. (Здесь и далее примеч. пер.)

противников. У нас с Адамом были сугубо деловые отношения, и нам обоим хотелось, чтобы все оставалось предельно ясным. Я не доставал его, пока он мне платил, а он не доставал меня, пока ему была дорога собственная задница.

Я направился через кампус к столовой. Как только я подошел к двойным металлическим дверям, передо мной нарисовались Лекси и Эшли.

– Привет, Трэв, – сказала Лекси, приосанившись.

Из ее розовой кофточки выглядывали идеально загорелые силиконовые груди. Как-то раз я позарился на эти великолепные подпрыгивающие холмы и трахнул ее, но повторять не хотелось. Сейчас ее голос напомнил мне звук, который издает сдувающийся шарик. После меня, на следующую ночь, за нее взялся Нейтан Ублюдок.

– Привет, Лекс.

Я отщипнул горящий кончик сигареты, бросил ее в урну и быстро прошел мимо девиц в двери столовой. Не то чтобы мне не терпелось полакомиться вялыми овощами, сухим мясом и перезрелыми фруктами. Просто – боже мой! – у Лекси был такой голос, от которого собаки выли, а дети оживлялись, думая, что заговорил какой-то персонаж из мультика.

Не обращая внимания на мою неприветливость, девчонки вошли следом за мной. Я окликнул Шепу и кивнул ему. Он был с Америкой, вокруг них сидели люди, все смеялись. Напротив него я заметил вчерашнюю голубку. Она ковыряла что-то пластиковой вилочкой. Мне показалось, мой голос привлек внимание девушки, и, плюхнув свой поднос в конце стола, я почувствовал на себе взгляд ее больших глаз.

Лекси хихикнула, и я с трудом сдержал закипавшее внутри меня раздражение. Когда я сел, она решила использовать мое колено вместо стула.

Несколько парней из футбольной команды, которые сидели за нашим столом, посмотрели на нас затаив дыхание: похоже, две глупые потаскушки, бегающие за парнем, вызывали у этих бедняг непреодолимое влечение.

Лекси скользнула рукой под стол и впиалась пальцами в мое бедро, а потом поползла вверх по шву моих джинсов. Я немного раздвинул колени и стал ждать, когда она подобрется к своей цели. В этот момент до нас донеслось громкое бормотанье Америки:

– Кажется, меня сейчас вырвет!

Лекси повернулась к ней, напрягшись всем телом:

– Эй, ты, дрянь, я все слышала!

Мимо физиономии Лекси пролетела булочка и упала на пол. Мы с Шепли обменялись взглядами. Тогда я резко отодвинул колено в сторону, и Лекси плюхнулась задницей на кафедру. Надо признаться, в звуке, который издало ее тело, шлепнувшись о керамическую поверхность, было что-то возбуждающее.

Лекси ушла без особенных жалоб и стонов. Шепли, кажется, одобрил мой жест, и мне этого было достаточно: мнение других меня мало волновало. Я уже устал терпеть девиц вроде этой куклы. Я всегда старался придерживаться одного правила: уважать себя, членов своей семьи, друзей. Черт, даже мои враги иногда заслуживали уважения. А с людьми, которых уважать не за что, лучше общаться как можно меньше. Женщины, которые приходили ко мне в квартиру, наверное, упрекнули бы меня в лицемерии. Но ведь если они держались с достоинством, то и я их никогда не оскорблял.

Я подмигнул Америке (вид у нее был довольный) и кивнул Шепли, а потом принялся за содержимое своей тарелки.

– Неплохо ты сработал вчера на ринге, Бешеный Пес! – сказал Дженкс, подбрасывая гренок.

– Заткнись, тупица, – пробормотал Брэзил вполголоса. – Если Адам узнает, что ты вякаешь, он вообще больше не подпустит тебя к арене.

– Ладно, ладно, молчу, – ответил Дженкс, пожимая плечами.

Я выбросил остатки своего обеда в мусорку и вернулся на место.

– А еще не надо меня так называть, – хмуро произнес я.

– Как? Бешеным Псом?

– Да.

– Почему? Разве ты не под этим именем выступаешь? Я думал, это твой псевдоним, вроде как у стриптизеров бывает.

Я смерил Дженкса взглядом:

– Заткнись. Тогда дырка у тебя на морде, глядишь, и зарастет.

Я всегда недолюбливал этого мелкого червяка.

– Конечно, Трэвис. Спасибо за совет. – Он нервно усмехнулся и, собрав свои объедки на поднос, вышел из-за стола.

Скоро столовая опустела. Но Шепли и Америка были еще тут. Она разговаривала со своей подругой. У этой девушки были длинные волнистые волосы, с кожи еще не сошел летний загар. Грудь – ничего особенного, видал и побольше, но вот глаза... Этот странный серый цвет как будто мне о чем-то напоминал. Раньше я ее совершенно точно не встречал, и все-таки это лицо казалось мне отдаленно знакомым.

Я встал и подошел поближе. У нее была прическа, как у порнозвезды, и ангельская мордашка. Когда я в первый раз увидел эти необыкновенно красивые миндалевидные глаза, кроме красоты и фальшивой невинности я заметил в них что-то еще, что-то холодное и расчетливое. Даже когда девушка улыбалась, мне казалось, она насквозь порочна и никакой кардиган этого не спрячет. Любому другому человеку этот крошечный носик, эти плавные черты и большие глаза, как будто освещающие все лицо, показались бы воплощением наивности. Но я знал: она что-то прячет. Мне ли этого не заметить! Ведь я и сам не ангел. Только я регулярно выпускаю на волю то, что она скрывает глубоко внутри.

Я посмотрел на Шепли. Почувствовав на себе мой взгляд, он обернулся. Я кивком указал ему на голубку и, беззвучно шевеля губами, спросил: «Кто это?» В ответ он только озадаченно нахмурился. «Вон та!» – снова кивнул я. Физиономия Шепли скривилась в тупой улыбке, которая ужасно меня бесила. Он всегда так скалился, когда собирался подложить мне свинью.

– Чего? – спросил он гораздо громче, чем было нужно.

Девушка, ясное дело, поняла, что я спрашивал о ней. Она опустила голову и сделала вид, будто не слышит нас.

Проведя шестьдесят секунд в присутствии голубки, я понял две вещи. Она не слишком болтлива. А раз помалкивает, значит, боится показать, какая она на самом деле стерва. Только вот не знаю, к чему мне до всего этого докапываться. Она изображает тихоню, чтобы к ней не приставали такие придурки, как я. Может, именно это меня и подзадоривает.

В третий или в четвертый раз она посмотрела в мою сторону и закатила глаза. Я ее раздражал, и мне это показалось очень забавным. Ведь девушки нечасто развлекали меня, демонстрируя такую неприкрытую враждебность, даже если я выставлял их за дверь.

Увидев, что мои самые обворожительные улыбки не работают, я решил сменить тактику:

– У тебя нервный тик?

– Чего?

– Нервный тик. У тебя глаза дергаются.

Если бы она могла убивать взглядом, я бы точно валялся на полу в луже крови. Подумав об этом, я рассмеялся. Ей палец в рот не клади! Та еще злюка! С каждой секундой эта девчонка нравилась мне все больше и больше. Я наклонился к ее лицу:

– Тем не менее глазки просто прелестны. Кстати, какого они цвета? Серые?

Она быстро нагнула голову, так что лицо спряталось под волосами. Один-ноль в мою пользу. Она смутилась, значит, я был на верном пути.

Тут к нам подскочила Америка. Почуяла опасность и решила предостеречь подругу. Упрекать Мер было нельзя: она видела бесконечную шеренгу девиц, которые заходили в мою квартиру, а потом выходили и никогда не возвращались. Мне не хотелось злить девушку Шепу, да она, похоже, и не злилась. По-моему, ей даже прикольно было, что я, оказывается, могу флиртовать.

– Ты не ее типаж.

Я разинул рот, подыгрывая Америке:

– Да я чей угодно типаж.

Голубка бросила на меня быстрый взгляд и усмехнулась. В этот момент по моему телу пробежало что-то теплое. Наверное, мне попросту чертовски сильно захотелось швырнуть ее на мой диван. Она была не похожа на моих предыдущих девиц, а разнообразие – это приятно.

– Ага! Улыбка! Все же я еще не полный болван. – Я назвал ее улыбку просто улыбкой, и это меня даже слегка покорило: ведь на самом деле я за всю свою жизнь не видел ничего более красивого. И все-таки не стоило заваливать игру, в которой я только что начал одерживать верх. – Имей в виду, я не какой-нибудь вонючий ублюдок. Рад был познакомиться с тобой, голубка.

Я поднялся с места, обошел стол и, наклонившись, сказал Америке на ухо:

– Помоги мне! Буду вести себя хорошо, честное слово!

Тут мне в физиономию полетел кусочек жареной картошки.

– Трэв, уберика свои губы подальше от моей девушки!

Я отошел на почтительное расстояние и поднял руки, подчеркивая полнейшую невинность своих намерений:

– Связи! Я налаживаю связи!

Пятясь, я сделал несколько шагов к двери. У входа, с противоположной стороны, я заметил небольшую группку девчонок. Только я потянул за ручку, они, не давая мне выйти, рванули внутрь, как стадо буйволов.

Давненько я не решал таких интересных задачек, как с этой голубкой. Мне самому это казалось странным, но я не собирался с ней спать. Я боялся, что она решит, будто я обычный кусок дерьма. И само то, что меня это беспокоит, волновало меня еще сильнее. Впервые за долгое время я встретился с девушкой, которая вела себя непредсказуемо: наверное, в этом и было все дело. Голубка казалась полной противоположностью остальным девчонкам Истерна, и я должен был выяснить, что она собой представляет.

Аудитория была набита битком. Шагая через ступеньку, я поднялся на свой ряд и стал пробираться через толпу голоногих девиц, которые окружили мое место.

– Дамы, – кивнул я.

Они зажужжали, и все как одна вздохнули. Хищницы. Половину из них я оприходовал на первом курсе, а другую половину – на втором, причем задолго до осенних каникул. Исключение составляла только София – девица, которая сидела в конце ряда. Она состряпала мне широкую кривую улыбку. Ее лицо было похоже на кусок мяса, который загорелся и его вилкой вытащили из костра. София спала с несколькими из моих «братьев» по студенческому обществу. Зная их «спортивные достижения» и ее безбашенность, я решил, что, как бы осторожно я себя ни вел, путаться с ней – неоправданный риск.

Она подалась вперед и оперлась на локти: так ей было удобнее стрелять в меня глазами. Я еле удержался, чтобы не содрогнуться от отвращения. «Нет уж. Она даже этого не заслуживает», – подумал я.

Брюнетка, стоявшая передо мной, обернулась и, хлопая ресничками, проговорила:

– Привет, Трэвис! Я слышала, в Сиг Тау намечается вечеринка для влюбленных?

– Нет, – тут же отрезал я.

Она выпятила нижнюю губку:

– Но... когда ты мне про это сказал, я подумала, что, может, ты захочешь пойти...

Я коротко усмехнулся:

– Я просто брюзжал, а ты приняла это за приглашение?

Блондинка, которая стояла рядом, наклонилась ко мне:

– Всем известно, что Трэвис Мэддокс не ходит на вечеринки для влюбленных. Зря стараешься, Крисси.

– Да неужели? А тебя вообще никто не спрашивал! – нахмурилась брюнетка.

Пока девицы переругивались, в аудиторию влетела Эбби, голубка. Как только она успела добежать до своего места в первом ряду, прозвенел звонок.

Сам не зная зачем (времени на раздумья у меня не было), я сгреб свои тетради в охапку, сунул ручку в зубы и, трусцой спустившись по ступенькам, сел рядом с Эбби.

Выражение замешательства, появившееся на ее лице, не просто позабавило меня. По какой-то непонятной причине я почувствовал прилив адреналина, почти как перед боем.

– Отлично. Будешь вести для меня записи.

Она рассердилась, но меня это нисколько не смутило. Наоборот. С другими девчонками я с ума сходил от скуки, а с этой мне было интересно. Даже весело. Я к ней вроде и не приставал. По крайней мере, не открыто. Но казалось, что от одного моего вида ее тошнит, и меня это почему-то в ней привлекало.

Мне не терпелось выяснить, действительно ли я ей противен или она просто такая колючая штучка. Я наклонился к ней:

– Извини... Я тебя чем-то обидел? – Ее глаза помягчели, и она покачала головой. Она меня не ненавидела. Хотела ненавидеть, но у нее не получалось. Ладно. Если решила со мной поиграть, то я готов. У меня огромное преимущество. – Тогда в чем твоя проблема?

Думаю, она сама обалдела от неожиданности, когда ответила:

– Я не стану спать с тобой. Так что брось попытки, прямо сейчас.

Здорово! С голубкой явно не соскучишься!

– Я не предлагал тебе спать со мной. Так ведь? – Я уставился в потолок, делая вид, что пытаюсь припомнить, не ошибаюсь ли. – Приходи к нам сегодня вечером с Америкой. – Эбби скривила губку, как будто почувствовала запах гнилья. – Я даже флиртовать с тобой не буду, клянусь.

– Я подумаю.

Я старался не улыбаться: ей ни к чему было видеть, как меня забавляет наш разговор. Да уж, она не брякнется на мой диван, как девицы, которые сидели позади нас. Я обернулся: все они сверлили глазами ее затылок. Эти оторвы не хуже моего знали, что Эбби не такая, как они. В кои-то веки я встретил девушку, за которую придется побороться.

Три рисунка для будущих татуировок, десятки параллелепипедов на полях тетради – вот уже и звонок. Я успел проскочить в коридор, прежде чем кто-нибудь попыбует меня задержать. Прошел дистанцию очень даже неплохо, но Эбби каким-то образом вырвалась вперед: когда я выскочил во двор, она была уже там, как минимум ярдах в двадцати от меня.

Черт! Она пыталась от меня сбежать. Я ускорил шаг и догнал ее.

– Ну что, подумала?

Тут не пойми откуда возникла какая-то девчонка.

– Трэвис! – воскликнула она, накручивая волосы на палец.

Эбби удалялась от меня, а я застрял возле этой дуры. Несколько секунд мне пришлось слушать ее болтовню. Наконец я не выдержал:

– Извини, э-э...

– Хэтер.

– Извини, Хэтер... Я... Мне нужно идти.

Девушка обвила меня руками. Я похлопал ее по задку и, высвободившись, пошел дальше, пытаюсь вспомнить, кто же она такая.

Прежде чем мне это удалось, впереди показались длинные загорелые ноги Эбби. Я подбежал к ней, сунув в рот сигарету:

– Так на чем мы остановились? Ах да... ты собиралась подумать.

– О чем ты?

– Ты надумала заглянуть к нам?

– А если я отвечу «да», ты прекратишь меня преследовать?

Я немного помолчал, изображая раздумья, и кивнул:

– Да.

– Тогда я приду.

А она не дура. Наверняка сказала это, просто чтобы от меня отделаться.

– Когда?

– Сегодня вечером. Я приду сегодня вечером.

Я растерялся. Эбби явно что-то задумала, а я никак не ожидал, что она перейдет в наступление.

– Круто! – сказал я, пытаюсь скрыть удивление. – Тогда до встречи, голубка.

Она зашагала дальше, ни разу не обернувшись, как будто не придавала нашему разговору ни малейшего значения, и вскоре затерялась в толпе студентов.

В поле моего зрения показалась белая бейсболка с университетской эмблемой. Это Шепли шел на информатику и, похоже, не очень-то спешил. Я нахмурился: дурацкий предмет. Можно подумать, кто-то из нас до сих пор не умеет пользоваться этим долбаным компьютером!

Я присоединился к Шепли и Америке, и мы вышли на главную аллею, вливаясь в общий студенческий поток. Шеп твякнул на меня, а Мер хихикнула и посмотрела на него влюбленными глазами. Она не была хищницей. Она была сексуальной девушкой, которая при этом не вставляла «как бы» через слово и иногда казалась очень даже занятой. Мне понравилось, что после их с Шепли первого свидания она долго не появлялась у нас дома. Через несколько недель пришла, и они в обнимку смотрели фильм, а потом она вернулась к себе в общежитие. Но все-таки скоро их испытательный период должен был закончиться. По-моему, ждать Шепу оставалось недолго.

– Привет, Мер, – кивнул я.

– Как дела, Трэв? – спросила она и дружелюбно улыбнулась, но ее взгляд тут же опять примагнитился к Шепли.

Моему двоюродному брату повезло: такие девушки – большая редкость.

– Мне туда, – сказала Америка и махнула рукой: за углом было ее общежитие.

Она обняла Шепу за шею и поцеловала его. Он обеими руками схватил ее за рубашку и притянул к себе. Уходя, Мер помахала нам обоим и вместе со своим другом Финчем, которого встретила в дверях, вошла в общежитие.

– Запал на нее, да? – спросил я, ткнув Шепу кулаком в плечо.

Он толкнул меня:

– Не твое дело.

– А сестрички у нее, случайно, нет?

– Она единственный ребенок в семье. И подружек ее тоже оставь в покое. Я серьезно, Трэв.

Последнее уточнение показалось мне излишним. Мысли и чувства Шепли почти всегда были написаны у него на лбу, причем здоровенными буквами. Поэтому я и не сомневался, что он сейчас не шутит. Скорее он был на грани отчаяния. Мой братец не просто запал на девушку. Он влюбился.

– Ты имеешь в виду Эбби?

Он нахмурился:

– Я имею в виду всех ее друзей, даже Финча. Держись от них подальше.

– Старик! – Я обхватил его локтем за шею. – Да ты, кажется, втюрился! Ой, как трогательно! Сейчас расплачусь!

– Заткнись! – проворчал Шепли. – Просто пообещай, что будешь держаться подальше от ее знакомых.

Я ухмыльнулся:

– Извини, не могу ничего обещать.

Глава II

Ответный огонь

– Что это ты делаешь? – спросил Шепли.

Он стоял посреди комнаты. В одной руке кеды, в другой пара несвежего белья.

– Прибираюсь, – ответил я, запихивая грязные бокалы в посудомоечную машину.

– Вижу, но... С чего это вдруг?

Я отвернулся от Шепли, пряча улыбку. Похоже, он собирался мне врезать.

– Жду гостей.

– Каких еще гостей?

– Голубку.

– Голубку?

– Эбби, Шеп. Я пригласил Эбби.

– Нет, только не это! Я ведь просил тебя, старик! Ты же мне все испоганишь!

Я повернулся к нему и сложил руки на груди.

– Я помню, о чем ты меня просил, Шеп. Но, честное слово, я ничего не смог с собой поделать. Даже не знаю... – Я пожал плечами. – В ней что-то такое есть.

У Шепли заходили желваки, и он, хлопнув дверью, потопал в свою комнату.

Загрузив посудомойку, я принялся шарить по дивану: вдруг между подушками завалилась пустая обертка от презерватива? Мне не очень-то нравилось объяснять девушкам, как это здесь оказалось. Конечно, ни для кого не было тайной, что я поимел чуть ли не всю прекрасную половину Истерна, но не стоило так уж прямолинейно напоминать моим гостям, для чего я их пригласил. В этом деле важна правильная подача.

Ну а голубка... С ней мои обычные приемчики явно не сработают. Тут требовалась тщательно продуманная стратегия. Пока я решил только, что на каждом свидании мы с ней будем продвигаться на один шаг. Если чересчур сосредоточиться на конечном результате, это может все испортить. Она ведь наблюдательная и далеко не наивная. Думаю, по сравнению с ней даже я младенец. Так что действовать надо очень осторожно.

Я был у себя в спальне, разбирал грязное белье, когда вдруг услышал, как открылась входная дверь. Обычно Шепли, узнав по звуку, что Америка подъехала к дому, шел ее встречать.

Какая прелесть!

Послышалась воркотня, потом закрылась дверь в комнату Шепли. Значит, пора. Я вышел в гостиную и увидел Эбби: она была в очках, волосы собраны на макушке, а наряд – нечто вроде пижамы. Казалось, этот предмет гардероба долго валялся на самом дне бельевой корзины.

Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Еще ни одна особь женского пола не появлялась у меня дома в таком роскошном прикиде. Входная дверь моей квартиры повидала много: джинсовые юбки, платья... Одна девица даже заявила ко мне в прозрачном куске материи, надетом прямо поверх стрингов. Многие приходили наштукатуренные и в блесках. Но в пижаме – еще никто.

Теперь-то я понял, почему она так легко согласилась прийти. Думала, от ее вида меня затошнит и я от нее отстану. Но не тут-то было: так она выглядела даже еще сексуальнее. Безупречная кожа не нуждалась ни в каком макияже, а очки только подчеркивали красоту глаз.

– Что-то ты задержалась, – сказал я, падая на диван.

Похоже, поначалу она страшно гордилась своим замыслом, но я разговаривал с ней совершенно невозмутимо, и она поняла, что ее план провалился. Чем мрачнее она становилась,

тем труднее мне было не расплыться в улыбке. Нелегко сохранять серьезную мину, когда так весело!

Через десять минут к нам вышли Шепли с Америкой. Эбби нервничала, а я был просто в восторге. Сначала она усомнилась в том, что я умею писать, а потом принялась выяснять, откуда у меня склонность к борьбе. Мне даже понравилось говорить о таких простых вещах. Это оказалось куда приятнее, чем объяснять девушке, что я прошу ее уйти сразу же, как только дело будет сделано: она тебя не понимает, а тебе нужно до нее достучаться, хотя твоя просьба вряд ли ей понравится.

– Ты что... Малыш-Каратист? Где ты научился так драться?

Когда Эбби задала этот вопрос, Шепли и Америка почему-то напряглись. Ну а я нисколько. Я мало говорил о детстве, но это не значило, что я чего-то стыдился.

– У моего отца были проблемы с алкоголем и приступы агрессии. А еще четыре старших брата с той же паршивой наследственностью.

– Ох... – сказала она просто.

Щеки у нее порозовели, и у меня с чего-то вдруг кольнуло в груди. Я не понял, в чем дело, но мне стало слегка не по себе.

– Не стоит смущаться, голубка. Пить отец бросил, братья повзрослели.

– Я вовсе не смутилась.

Но, судя по всему, она все-таки смутилась. Я стал усиленно соображать, как бы сменить тему, и решил, что ее забавный неряшливый вид – прекрасный повод для подкола. Голубкино смущение тут же сменилось раздражением, а это было для меня куда привычнее.

Америка предложила посмотреть телевизор, но мне это не понравилось: сидеть с Эбби в одной комнате и при этом молчать! Я встал:

– Ты голодна, голубка?

– Я уже поела.

Америка нахмурилась:

– Неправда. Э... да, точно, я забыла... ты ведь съела... пиццу? До того, как мы ушли.

Эбби снова смутилась, но вскоре злоба взяла верх над смущением. Похоже, это ее обычный расклад, который я уже неплохо изучил.

Мне еще никогда так сильно не хотелось остаться с девушкой наедине, причем с девушкой, которую я не собирался затащить на диван. Я открыл дверь и, стараясь, чтобы это прозвучало как можно непринужденнее, сказал:

– Идем. Ты, наверное, проголодалась.

– Куда собираешься пойти? – спросила она.

Ее осанка вдруг стала менее горделивой.

– Куда захочешь. Можем заехать в пиццерию.

Тут я сам внутренне съезился: как бы не перегнуть! Эбби посмотрела на свои растянутые штаны:

– Но я не совсем подходяще одета...

Ей даже в голову не приходило, как она хороша. В таком наряде она нравилась мне даже больше, чем раньше.

– Отлично выглядишь. Пойдем, я умираю с голода.

Как только она уселась позади меня на мой «Харлей», ко мне наконец-то вернулась способность логически мыслить. Во время езды на мотоцикле мне вообще хорошо думалось. Коленки Эбби сжимали мои бедра, и это, как ни странно, тоже действовало на меня успокаивающе. Напряжение почти совсем отпустило.

Ощущение, которое вызвало во мне ее прикосновение, оказалось довольно необычным. Оно мне не то чтобы понравилось... Просто я постоянно чувствовал, что она рядом, и это меня

одновременно умиротворяло и волновало. Нужно было собраться: может, Эбби и голубка, но в любом случае она всего лишь девчонка, и нечего из-за нее сопли распускать.

К тому же под ангельской внешностью она наверняка что-то скрывает. Видимо, ее уже обжег кто-то вроде меня – отсюда и неприязнь ко мне. Но она совершенно точно не шлюха. Даже не шлюха улучшенного образца, каких много (я их чую за целую милю). Мой боевой настрой стал потихоньку слабеть. Я наконец-то нашел девушку, которую мне было бы интересно узнать поближе, но парень наподобие меня уже причинил ей боль. Хотя мы были едва знакомы, я бесился при мысли о том, что мою голубку кто-то обидел. И теперь она ассоциирует меня с тем засранцем – это еще хуже.

Я резко затормозил: мы подъехали к пиццерии. За время езды я так и не успел привести в порядок содержимое своей башки. Мне даже о скорости некогда было думать. Поэтому, как только я остановил мотоцикл, Эбби соскочила и принялась кричать. А я не мог не рассмеяться:

– Я соблюдал скоростной режим.

– Ага, как если бы мы неслись по автомагистрали!

Она рывком распустила длинные волосы, собранные в забавный пучок, и расчесала их пальтерней. Потом снова собрала и закрутила. А я не мог оторвать от нее глаз: наверное, именно так она обычно выглядела по утрам, когда вставала с постели... Чтобы отвлечься, я стал прогонять у себя в голове первые десять минут фильма «Спасти рядового Райана». Кровь. Крики. Вспоротые животы. Гранаты. Артиллерийские залпы. Опять кровь.

Я открыл дверь:

– Голубка, я бы не допустил, чтобы с тобой что-то случилось.

Она сердито протопала внутрь, не обратив ни малейшего внимания на мой галантный жест. А ведь она была первая девушка, ради которой я снизошел до роли швейцара. Я-то надеялся, она это оценит, но она даже не заметила.

Войдя в пиццерию вслед за Эбби, я направился к своему любимому угловому диванчику. В середине зала, за несколькими столами, составленными вместе, заседали парни из футбольной команды. Они тут же просекли, что у меня свидание, и не оставили это без комментариев. Я сжал зубы. Мне не хотелось, чтобы Эбби слышала их вопли.

Чуть ли не впервые в жизни я показался себе каким-то неловким. Но это ощущение прошло. Эбби села напротив меня – злая, раздраженная, – и ко мне вернулась прежняя веселая уверенность в себе.

Я заказал два пива. Официантка внаглую со мной заигрывала, и на голубкином лице появилось брезгливое выражение. Я разозлил ее, хотя даже и не старался.

– Часто здесь бываешь? – процедила она, косясь на официантку.

Черт, Эбби, кажется, ревнует! А может, и нет... Может, ей просто противно смотреть, как женщины на меня вешаются. Такое тоже вполне вероятно. Эх... От этой девчонки голова идет кругом!

Я постарался принять невозмутимый вид и, опершись локтями о стол, небрежно проговорил:

– Давай, голубка, расскажи про себя. Ты в принципе мужененавистница или только ко мне так относишься?

– Думаю, только к тебе.

Я издал смешок:

– Я никак не могу раскусить тебя. Ты первая девушка, которая испытывает ко мне отвращение, заметь, до секса. Разговаривая со мной, ты не впадаешь в экстаз и не пытаешься привлечь мое внимание.

– Я не нарочно. Ты мне просто не нравишься.

Неплохо!

– Будь это так, ты бы здесь не сидела.

Моя настойчивость принесла свои плоды: Эбби перестала хмуриться, морщинки вокруг глаз разгладились.

– Я же не говорю, что ты плохой человек. Мне лишь не нравится быть объектом внимания только потому, что у меня есть вагина.

Тут я уже не мог сдерживаться: сначала давился от смеха, а потом заржал во всю глотку. Так значит, Эбби не считала меня законченным подонком. Просто ей не нравилось, как я обставляю свои отношения с женщинами. Это легко уладить. Я почувствовал огромное облегчение и хохотал так, как не хохотал уже несколько лет. А может, даже никогда.

– О боже! Ты просто убиваешь меня! Решено. Мы обязаны стать друзьями. «Нет» в качестве ответа не принимаю.

– Стать друзьями я не против, но не пытайся каждые пять секунд залезть ко мне в трусы.

– Ты не собираешься спать со мной. Усек. – Ура! Она улыбнулась. Эта улыбка открыла передо мной целое море заманчивых возможностей. У меня в мозгу уже замелькали порнографические картинки, но я вовремя себя затормозил: обидно было бы сразу прервать нашу странную дружбу, которая едва только завязалась. Я улыбнулся Эбби в ответ. – Обещаю, я даже думать не буду о твоих трусиках... пока ты сама этого не захочешь.

Она наклонилась вперед, опершись о свои маленькие локотки. Мой взгляд, конечно, тут же приклеился к ее груди, прижатой к краю стола.

– А этого не случится, так что можем дружить, – отрезала Эбби. Это был вызов, и я его принял. – Что расскажешь про себя? Тебя всегда звали Трэвис Мэддокс «Бешеный Пес» или это только здесь? – Произнося это мерзкое прозвище, она изобразила в воздухе кавычки, махнув средним и указательным пальцами обеих рук.

Я съехался:

– Нет. Все это начал Адам после моего первого боя.

Я ненавидел эту кличку, но она ко мне прилипла. Всем, кроме меня, это нравилось, и на ринге меня продолжали так называть.

Повисла неловкая пауза. Потом Эбби снова заговорила:

– И все? Ты больше ничего о себе не расскажешь?

Я не понял: ее не смущало, что меня зовут Бешеным Псом, или она просто приняла мои объяснения? Я никогда не знал, когда она будет шокирована или рассердится, а когда проявит спокойствие и рассудительность. Но, черт подери, мне это даже нравилось!

– А что ты хочешь узнать?

Эбби пожала плечами:

– Все, что обычно говорят. Откуда ты, кем хочешь стать, когда повзрослеешь... и все в таком духе.

Я изо всех сил старался не выглядеть зажатым. Я не очень любил говорить о себе, особенно о своем прошлом. Сказал что-то обтекаемое, надеясь побыстрее закрыть тему. Тут кто-то из футболистов громко сострил. Самому мне было наплевать, я просто боялся, что Эбби услышит и поймет, о чем речь... Хотя ладно, признаюсь: даже не будь рядом голубки, я все равно пришел бы в бешенство.

А она продолжала задавать вопросы о моей семье, моей специальности. Я отвечал рассеянно, с трудом удерживаясь, чтобы не вскочить и не вышвырнуть всех этих придурков на фиг. Чем сильнее я закипал, тем тяжелее мне было концентрироваться на разговоре.

– Над чем они смеются? – наконец спросила Эбби, кивнув в сторону развеселой компании. Я покачал головой. – Скажи мне, – не отставала она.

Я сжал губы в тонкую нитку: если голубка сейчас уйдет, второго шанса у меня может и не быть, а у этих жеребцов появится новый повод для веселья. Эбби смотрела на меня, ожидая ответа. Да уж, дело дрянь!

– Они смеются, потому что я повел тебя ужинать для начала. Обычно... это не в моих правилах.

– Для начала?

Голубкино лицо окаменело. Похоже, до нее дошел смысл моих слов, и теперь она пришла в ужас от того, что оказалась здесь со мной. Я вздрогнул: Эбби вот-вот взорвется.

Но она вздохнула и пробормотала:

– Я уж боялась, они смеются, потому что увидели меня с тобой в таком виде и думают, я собираюсь прыгнуть к тебе в койку.

И все? Где же буря? Нет, эта девица совершенно непредсказуема!

– А почему меня не могут увидеть с тобой?

Эбби порозовела и, уставившись в стол, буркнула:

– Так о чем мы говорили?

Ложная тревога. Оказывается, голубка не такая уж и крутая. Решила, что парни смеются над ее внешним видом. Нужно было как-то ее отвлечь, пока она не додумалась до чего-нибудь еще. И я сказал:

– О тебе. Какой профиль у тебя?

– Э... пока что общая подготовка. Я еще не решила, но склоняюсь к бухучету.

– И ты не местная, а переехала сюда?

– Из Уичито. Вместе с Америкой.

– Канзас? Как ты здесь тогда оказалась?

– Нам нужно было сбежать.

– От чего?

– От моих родителей.

Отлично. Значит, сбежала из дома. Так я и знал: кардиган и жемчужные сережки, которые были на ней в тот первый вечер, – это только фасад. Интересно, что же за ним скрывается? Говорить о себе она явно любит не больше моего. Я хотел сменить тему, но тут Кайл из футбольной команды опять что-то прокричал. Не обращая на него внимания, я спросил:

– А почему Истерн?

Эбби ответила, но я не расслышал. Ее заглушали смешки и идиотские шуточки футболистов.

– Эй, приятель! Нормальные люди выносят отсюда объедки для кошечек, а ты приволок драную кошку сюда! – крикнул один из них.

Это было уже чересчур: они не просто проявили неуважение ко мне, они оскорбили Эбби! Я встал и направился было к ним, но они повскакивали с мест и всей гурьбой ломанули к двери, спотыкаясь друг о друга.

Я затылком почувствовал взгляд Эбби, и это помогло мне взять себя в руки. Я снова уселся на наш диванчик. Она посмотрела на меня, приподняв брови, и мое бешенство тут же куда-то улетучилось.

– Ты собиралась рассказать, почему выбрала Истерн, – сказал я, решив сделать вид, будто всей этой сцены не было.

– Сложно объяснить. – Эбби пожала плечами. – Просто это показалось мне правильным.

То же самое, пожалуй, сказал бы и я, если бы попытался объяснить, что со мной сейчас творилось. Я не понимал, какого черта я здесь делаю. Просто сидел за столиком напротив Эбби, и от этого мне становилось как-то непривычно спокойно. Хотя еще секунду назад я был вне себя от ярости.

Я улыбнулся и открыл меню:

– Понимаю, о чем ты.

Глава III

Белый рыцарь

Шепли стоял на пороге и с видом влюбленного идиота махал Америке, пока она выезжала со стоянки. Потом он закрыл дверь и с глупейшей улыбкой на физиономии повалился в кресло.

– Ну и дурак же ты, – сказал я.

– Я? Ты лучше на себя посмотри! Бедняга Эбби еле ноги отсюда унесла.

Я нахмурился: вообще-то мне не показалось, что голубка торопилась со мной распрощаться, но теперь, после слов Шепы, я вспомнил: когда мы вернулись из ресторана, она была очень уж молчаливой.

– Думаешь?

Шепли рассмеялся, откидывая спинку кресла и поднимая подножку:

– Она тебя ненавидит. Так что лучше брось все это.

– Она меня не ненавидит. И мы с ней уже встречаемся.

Шеп вытаращил глаза:

– Встречаетесь? Трэв, что ты там такое задумал? Имей в виду, если ты с ней просто развлечешься, а у меня с Америкой из-за этого все полетит к черту, я тебя убью, пока ты будешь спать!

Я плюхнулся на диван и взял пульт:

– Я еще сам не знаю, что я задумал, но это не просто игрушки.

Мой ответ озадачил Шепу. Я втюрился точно так же, как и он, но признаваться не хотелось.

– Я не шучу! Если что, придушу тебя, – сказал он.

– Верю, – огрызнулся я. – Мне и так в последнее время было не по себе, а тут еще этот балбес, похожий на влюбленного скунса из мультика, угрожал кровавой расправой. Когда мой двоюродный братец на кого-нибудь западал, это действовало мне на нервы, но в состоянии влюбленности он был просто невыносим. – Помнишь Аню?

– Это совсем другое! – воскликнул Шеп негодуя. – С Мер все не так. Она единственная!

– Ты это понял за пару месяцев? – недоверчиво спросил я.

– Я понял это, как только ее увидел.

Я покачал головой. Терпеть не мог его таким. Казалось, из задницы у него вылетают единороги и бабочки, а над головой порхают сердечки. Потом наступит горькое разочарование, и последующие полгода мне придется нянчиться с ним, чтобы он не упился вусмерть. Ну а Мер, разумеется, нравилось его теперешнее состояние.

Нет, меня ни одна женщина не заставит мотать сопли на кулак и литрами поглощать спиртное, доводя себя до полного бесчувствия. Раз соскочила, значит, туда ей и дорога.

Шепли встал, потянулся и направился в свою комнату.

– Шеп, опять ты превратился в мешок с дерьмом!

– Не тебе меня судить.

Он был прав: я ни разу не влюблялся. Но все равно я представить себе не мог, чтобы любовь так меня покорежила.

Пора было ложиться спать. Я тоже протопал к себе, разделся и, сердито пыхтя, хлопнулся на матрас. Как только моя голова коснулась подушки, я стал думать об Эбби. У меня в мозгу слово в слово прокрутился весь наш разговор: пару раз я замечал у нее проблески интереса. Я понял, что голубкина неприязнь ко мне не так уж сильна, и от этого мне стало легче. Я не корчил из себя святого, да ей бы это и не понравилось. Раньше мне никогда не приходилось

нервничать из-за женщин. А с Эбби я был какой-то странный: одновременно сосредоточенный и рассеянный, взбудораженный и спокойный. Я злился, голова кружилась. Впервые в жизни я почувствовал, будто внутри что-то разладилось. И это чувство тянуло меня к Эбби.

Так я пролежал часа два, пялясь в потолок. Интересно, увижу ли я ее завтра? Я встал и пошел на кухню: там у меня где-то был припрятан «Джек Дэниэлс».

Достав чистый стакан из посудомоечной машины, я налил его доверху и выпил залпом. Налил еще и снова опрокинул. Потом поставил стакан в раковину и пошел обратно в спальню. У порога своей комнаты стоял Шепли.

– Так... Пошло-поехало... – усмехнулся он.

– Когда ты появился на нашем семейном дереве, надо было тебя сразу же отпилить.

Шепли, хохотнув, захлопнул дверь, а я поплелся к себе, злой из-за того, что спор с двоюродным братом был проигран.

Казалось, утренние занятия никогда не закончатся. Как только прозвенел звонок на большую перемену, я, содрогаясь от отвращения к самому себе, побежал в столовую. А ведь я даже не знал, там она или нет.

Она была там.

Прямо напротив нее сидел Брэзил. Они болтали с Шепли. Я невольно улыбнулся, а потом вздохнул, почувствовав облегчение и в то же время признавая свое поражение.

Нагрузив поднос бог знает чем, я подошел к столику и встал прямо перед Эбби:

– Брэзил, ты сидишь на моем месте.

– А, Трэв, так она одна из твоих девчонок?

Эбби замотала головой:

– Вовсе нет!

Но я продолжал ждать, и Брэзил поспешил убраться, перетащив свой поднос на свободное место в другом конце длинного стола.

– Как дела, голубка? – спросил я, готовясь к тому, что сейчас она заплюет меня ядом.

Но Эбби, к величайшему моему изумлению, не проявила никаких признаков гнева. Просто уставилась на мою тарелку и спросила:

– А это что?

Я взглянул на дымящееся варево, которого не пожалела для меня повариха. Кажется, Эбби пытается завязать разговор: еще один хороший знак.

– Повара столовой пугают меня. Даже не хочу критиковать их кулинарные способности.

Я принялся тыкать вилкой в содержимое своего подноса, пытаясь выудить хоть что-нибудь съедобное. Эбби некоторое время смотрела на меня, потом ее отвлекло бормотание сидящих вокруг. Ясное дело, всем было стремно, что я подсел к девушке. Я и сам не знал, зачем это мне. Обычно я из-за такой ерунды не суетился.

– О-о-о... после обеда тест по биоложке, – проворчала Америка.

– Ты готовилась? – спросила Эбби.

Мер сморщила носик:

– Нет, конечно. Мне всю ночь пришлось убеждать своего парня, что ты не станешь спать с Трэвисом.

При упоминании об их вчерашнем споре Шепли резко помрачнел. Футболисты, которые сидели в конце стола, затихли, прислушиваясь к нашему разговору. Эбби съежилась и метнула в подругу гневный взгляд. Конечно, голубка смутилась: неприятно, когда на тебя все пялятся, какова бы ни была причина такого внимания.

Даже не глядя на Эбби, Мер подтолкнула Шепли плечом, но он продолжал хмуриться.

– Черт возьми, Шеп. Неужто все так плохо? – сказал я, пытаясь разрядить обстановку, и бросил в него пакетик с кетчупом.

Зрители переключились на Америку и моего братца в надежде услышать что-нибудь интересное. Он не ответил, а Эбби взглянула на меня своими серыми глазами и тихонько улыбнулась. Сегодня мне везло! Она бы не смогла возненавидеть меня, даже если б захотела. И чего я переживал? Тем более что я не собирался встречаться с ней и все такое... Мне было просто интересно, получится ли у меня вызвать в ком-нибудь платоническую привязанность, и Эбби идеально подходила для подобных экспериментов. Она казалась хорошей девочкой (хотя и с характером), которой ни к чему было со мной связываться, рискуя просрать весь свой план на ближайшие пять лет. Если, конечно, такой план у нее имелся.

Америка погладила Шепли по спине:

– Он придет в норму. Ему просто нужно время привыкнуть к мысли, что Эбби невосприимчива к твоему обаянию.

– Я еще даже не пытался очаровать ее, – сказал я, досадуя на Мер: она решила потопить мой корабль, а ведь победа уже была так близко! – Она мой друг.

Эбби посмотрела на Шепли:

– Видишь, я же говорила. Тебе не о чем волноваться.

Шеп поднял на голубку глаза, и лицо его разгладилось. Кризис удалось предотвратить. Благодаря ей.

Я немного подождал, пытаюсь придумать новую тему для разговора. Хотел было предложить Эбби опять зайти к нам вечером, но после тех глупостей, которые наболтала ее подружка, это прозвучало бы двусмысленно. Тут мне пришла в голову блестящая идея, и я тут же ее озвучил:

– А ты подготовилась?

Голубка нахмурилась:

– Сколько бы я ни готовилась, с биологией мне это не поможет. Мой мозг не способен постичь ее.

Я встал и кивнул в сторону двери:

– Идем.

– Что?

– Пойдем возьмем твои конспекты. Я помогу тебе подготовиться.

– Трэвис...

– Голубка, оторви свой зад от стула. Ты сдашь тест на «отлично».

Следующие три секунды были, наверное, самыми долгими в моей жизни. Наконец Эбби встала. Проходя мимо Америки, она легонько дернула ее за волосы:

– Увидимся в классе, Мерик.

Та улыбнулась:

– Я займу тебе место. Мне понадобится любая помощь.

Я открыл перед голубкой дверь столовой, но моя галантность снова осталась незамеченной. Как и накануне вечером, я был ужасно разочарован.

До общаги Морган Холл было совсем недалеко. Засунув руки в карманы, я молча шел рядом с Эбби. Потом она долго ковырялась с замком. Как только мы оказались в комнате, голубка швырнула на кровать учебник и села, положив ногу на ногу. Я тоже плюхнулся рядом: матрас был жесткий, очень неудобный. Теперь ясно, почему все девчонки в Истерне такие колючие. Господи, да разве можно на такой кровати нормально выспаться?

Эбби открыла нужную страницу, и мы взялись за дело. Я прогнал ее по ключевым моментам главы. Прикольно было наблюдать за тем, как она меня слушает, впитывая каждое слово и при этом как будто удивляясь, что я умею читать. Если по выражению ее лица мне казалось, что она меня не понимает, я возвращался назад. Тогда голубкины глаза прояснялись. Я изо всех сил старался, чтобы ее взгляд не погасал.

Время пролетело незаметно. Эбби пора было идти на занятие. Я вздохнул и, шутя, хлопнул ее по голове методичкой.

– Вот. Теперь ты знаешь эту методичку вдоль и поперек.

– Что ж... Посмотрим...

– Я провожу тебя до класса и еще немного поспрашиваю по пути.

Я ожидал вежливого отказа, но Эбби робко улыбнулась и кивнула. Когда мы вышли в холл, она вздохнула:

– Но ты не станешь беситься, если я завалю тест?

Она беспокоилась, не рассержусь ли я на нее! Я не знал, как лучше на это отреагировать, но в любом случае мне было чертовски приятно!

– Голубка, ты его не завалишь. Но к следующему нам уже пора готовиться, – сказал я.

По дороге к естественно-научному корпусу я один за другим задавал ей вопросы. Чаще всего она отвечала сразу, иногда после некоторых колебаний, но всегда правильно. Так мы дошли до дверей аудитории. Судя по выражению лица Эбби, мне удалось произвести на нее впечатление, и она была мне благодарна, хотя из тщеславия не хотела слишком открыто это показывать.

– Задай там жару, – брякнул я, не придумав, что бы еще сказать.

Тут мимо нас прошел Паркер Хейс.

– Привет, Трэв, – кивнул он мне.

– Паркер, – кивнул я в ответ.

Вообще-то я терпеть не мог этого говнюка. Он вечно ходил за мной по пятам, чтобы, изображая эдакого «белого рыцаря», завалить какую-нибудь из моих девчонок. Ему нравилось говорить им, что я бабник, но сам-то он был ничем не лучше. Только в отличие от меня он еще и врал своим пассиям, а когда ему надоедало играть в благородство, втихаря их бросал.

Как-то раз, на первом курсе, я подцепил Дженет Литтлтон в «Ред Дор», и мы поехали ко мне. Ну а Паркер решил попытать счастья с ее подругой. Из клуба мы направились в разные стороны. После того как я оприходовал Дженет и не стал притворяться, будто у наших отношений большое будущее, она взбесилась и позвонила подружке, чтобы та ее от меня забрала. Подружка все еще была с Хейсом. В итоге за Дженет приехал он.

Потом Паркер сделал эту историю своим немеркнущим хитом. Стоило мне трахнуть какую-нибудь девчонку, он подбирал ее и, перед тем как тоже трахнуть, рассказывал ей, как он спас от меня Дженет. Я терпел его, но с большим трудом.

Паркер взглянул на голубку и весь загорелся:

– Привет, Эбби!

Я не понимал, какой ему резон спать именно с моими девчонками, но одно было очевидно: он уже несколько недель ходил на занятия вместе с голубкой, а интерес к ней почему-то проявил только сейчас. Это из-за того, что он увидел, как я с ней разговариваю. У меня внутри все заклокотало.

– Привет, – озадаченно ответила Эбби. На лице у нее было написано, что она не понимает, почему незнакомый парень вдруг решил с ней поздороваться. – Кто он? – спросила она у меня.

Я с равнодушным видом пожал плечами, хотя на самом деле мне хотелось ворваться в аудиторию и надрать засранцу его лощеную задницу.

– Паркер Хейс, – сказал я, и мне показалось, что во рту после его имени остался противный привкус. – Один из моих «братьев» в Сиг Тау.

От этих слов мне стало еще гаже: у меня были настоящие братья – и по крови, и по студенческому союзу. Паркер не относился ни к тем, ни к другим. Скорее это был заклятый враг, которому я позволял вертеться поблизости, только чтобы не выпускать его из виду.

– Ты в братстве? – спросила Эбби, слегка поморщившись.

– В Сигме Тау, как и Шеп. Думал, ты в курсе.

– Ну... «братья» обычно выглядят иначе, – протянула она, разглядывая татуировки на моих предплечьях.

Голубка снова смотрела на меня, и мое настроение улучшилось.

– Отец учился здесь, и все мои братья в Сиг Тау. Так что это семейное.

– Тебя вынудили вступить? – спросила она скептически.

– Нет. Просто они неплохие ребята, – ответил я, подавая Эбби ее тетради. – Лучше иди в класс.

Она сверкнула своей фирменной безукоризненной улыбкой и подтолкнула меня локотком:

– Спасибо, что помог.

Я невольно улыбнулся ей в ответ. Голубка прошла в аудиторию и села рядом с Америкой. Пока они разговаривали, Паркер пялился на Эбби. Идя по коридору, я представлял себе, как хватаю стол и опрокидываю его на голову этому ублюдку. Мои занятия на сегодня закончились, поэтому нечего было здесь ошиваться. Я чувствовал, что мне позарез нужно прокатиться на мотоцикле: иначе мысли о том, как Паркер втирается в доверие к Эбби, сведут меня с ума. Я специально поехал домой самой длинной дорогой, чтобы успеть хорошенько развеяться. Пока я выходил из здания, мне встретилось несколько симпатичных однокурсниц, но перед глазами у меня все время всплывало голубкино лицо. Я даже разозлился на себя из-за этого.

Я заслуженно пользовался репутацией парня, который по-свински обходится со всеми девицами старше шестнадцати лет, имеющими неосторожность прийти к нему домой для «личной беседы». Эту дурную славу я честно зарабатывал с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Ну а теперь я, похоже, вляпался в банальную историю: плохой мальчик полюбил хорошую девочку. Но вот только Эбби не принцесса она что-то скрывает. Что – я не знал, но, может быть, именно это нас и связывало.

Я подъехал к дому и слез с мотоцикла. На этот раз «Харлей» не оправдал моих ожиданий: привести мысли в порядок мне не удалось. Всю дорогу я просто выдумывал всякую хренотень, пытаюсь как-то обосновать свое дурацкое поведение с Эбби.

Находясь в отвратительном расположении духа, я хлопнул дверью и плюхнулся на диван. Куда-то запропастился пульт, и это разозлило меня еще больше. Вдруг разнесчастный кусок черного пластика шлепнулся рядом со мной на подушку. Я взял его и ткнул им в телевизор.

– Какого черта ты утаскиваешь пульт к себе? – напустился я на Шепли, который только что вышел из своей комнаты и уселся в кресло.

– Не знаю, старик, такая привычка. У тебя проблема?

– Да, – проворчал я, выключая у телевизора звук. – И зовут ее Эбби Эбернати.

Шепли приподнял брови:

– И что же с ней не так?

– Она меня совсем достала. По-моему, пора трахнуть ее и покончить со всем этим.

Некоторое время Шеп смотрел на меня, как будто решая, что ответить. Наконец он сказал:

– Я, конечно, рад, что ты решил со мной посоветоваться... Но раньше ты не ставил меня в известность, если собирался просрать мою жизнь, переспав с подружкой моей девушки... Что-то тут не так... Признавайся: тебе не наплевать на Эбби!

– Не будь идиотом!

– Втюрился! – констатировал Шепли, не в силах сдерживать довольную ухмылку. – Стоило девчонке дольше двадцати четырех часов не позволять затащить себя в койку, и ты готов!

– Лора промариновала меня неделю.

– А с Эбби у тебя вообще ничего не выйдет.

– Она хочет, чтобы мы просто дружили. Хотя бы не шарахается от меня, как от прокаженного. Думаю, это уже хорошо.

Мы помолчали, потом Шепли сказал:

– Ты боишься. – Он кивнул с видом человека, уверенного в собственной правоте.

– Чего? – усмехнулся я.

– Того, что она тебя оттолкнет. Ведь Бешеный Пес в конце концов тоже человек.

У меня запульсировала жилка под глазом.

– Шеп, ты же знаешь, как я ненавижу эту кликуху!

Он улыбнулся:

– Знаю. А еще ты ненавидишь то, что сейчас чувствуешь.

– Благодаря тебе я чувствую себя еще хуже.

– Ты влюбился, и тебе страшно. Что же дальше?

– Ничего. Просто я наконец-то встретил нормальную девчонку, но она для меня слишком хороша. И это бесит.

Шепли попытался подавить смешок. Мои мучения казались ему забавными. Когда ему все-таки удалось сделать серьезное лицо, он сказал:

– А может, пускай она сама решает, слишком ли она для тебя хороша или нет?

– Ты же сам сказал, что мне на нее не наплевать. Поэтому я принимаю это решение за нее.

Шепли встал, потянулся и босиком направился к холодильнику:

– Пиво будешь?

– Да. Давай выпьем за дружбу.

– Значит, ты не передумал с ней тусоваться? И на кой тебе это надо? Хочешь себя помучить?

Я задумался. Наши с голубкой странные взаимоотношения действительно были для меня мучительны, но мне больше нравилось мучиться рядом с ней, чем на расстоянии от нее.

– Не хочу, чтобы у Эбби все закончилось постелью. Со мной или с другим таким же кобелем.

– То есть ни с кем. Ну ты и сморозил, дружище!

– Заткнись и тащи сюда свое долбаное пиво.

Шепли пожал плечами. В отличие от Криса Дженкса, он умел вовремя замолчать.

Глава IV

Тайм-аут

Наверное, я принял странное решение, но мне от этого стало легче. На следующий день я зашел в столовую и без колебаний уселся на свободное место напротив Эбби. Мне с ней было спокойно и хорошо, и ей со мной, по-моему, тоже: раздражало только то, что за нашим общением, затаив дыхание, наблюдали десятки студентов и даже несколько преподавателей.

– Позанимаемся сегодня или как?

– Давай, – спокойно согласилась она.

В этих отношениях меня не устраивало только то, что чем больше времени я проводил с Эбби как с другом, тем сильнее в нее влюблялся. Тем крепче отпечатывались в моей памяти цвет и форма ее глаз, запах ее лосьона и запах ее кожи. Еще я заметил, какой длины у нее ноги и какие тона преобладают в ее одежде. Теперь я даже знал, на которой неделе месяца мне не стоило слишком надоедать ей своим вниманием: это оказалось тогда же, когда и у Америки. Поэтому у нас с Шепли выходило не две, а три недели, когда мы оба могли дышать ровно.

Даже в наихудшем расположении духа Эбби не психовала, как многие другие девчонки. Правда, поначалу она, конечно, нервничала, когда ее спрашивали о наших отношениях. Но я позаботился о том, чтобы ее не доставали, и она успокоилась.

Со временем о нас стали меньше судачить. Мы с Эбби почти каждый вечер вместе обедали, а вечерами занимались. Иногда я возил ее поужинать. Один раз Шепли с Америкой пригласили нас в кино. Между мной и голубкой не было никакой неловкости, и нам не приходило в голову выяснять, друзья ли мы или больше чем друзья. Не знаю, что бы я ответил на такой вопрос. Да, я решил не приставать к ней. Но это не мешало мне мечтать о том, как я положу ее на свой диван. А однажды они с Америкой принялись толкаться и щекотать друг друга, и, глядя на них, я почему-то представил Эбби у себя в кровати.

От мыслей о ней невозможно было отделаться. Хотя на какое-то время перестать думать о ее ножках мне помогло бы только одно: новая победа на сексуальном фронте.

Как-то раз я заметил в студенческой толпе знакомую мордашку. Эту девчонку я раньше видел с Дженет Литтлтон. Звали ее Люси, и она была очень даже ничего. Трясла декольтированной грудью и на каждом углу выла, как сильно меня ненавидит. Тридцать минут флирта, вечер в «Ред Дор» – и она в моей квартире. Я едва успел входную дверь закрыть, прежде чем эта оторва начала меня раздевать. Наверное, все это от ненависти, которую она питала ко мне с прошлого года. Потом она ушла. С улыбкой на губах и разочарованием во взгляде.

А я продолжал думать о голубке. Даже усталость после оргазма не вытеснила ее из моей головы. Наоборот, теперь я чувствовал себя еще и виноватым перед ней.

На следующий день я вбежал в аудиторию и плюхнулся рядом с Эбби. Она уже достала ноутбук и учебник. Заметив меня, едва обернулась.

Было темно. Обычно в это время суток помещение освещалось естественным образом, но день выдался пасмурный. Я подтолкнул Эбби локтем: опять почти никакой реакции. Тогда я выхватил у нее карандаш и стал черкать на полях. Набросал несколько рисунков для татуировок, написал прикольными буквами ее имя. Она заглянула ко мне в тетрадь и улыбнулась.

– Может, пообедаем сегодня где-нибудь в городе? – спросил я, наклоняясь к ее уху.

Она беззвучно пошевелила губами:

– Не могу.

Я нацарапал у нее в тетради вопросительный знак. В ответ Эбби написала:

– Зря я, что ли, плачу за питание в кампусе?

– Да ладно тебе!

– Я серьезно.

Я хотел было продолжить этот спор, но на странице почти не осталось места.

– *Итак, снова столовая. И чем наши поварахи порадуют меня на этот раз? Сгораю от нетерпения.*

Эбби хихикнула, и я почувствовал то ни с чем не сравнимое удовольствие, которое всегда испытывал, если мне удавалось заставить ее улыбаться. Еще несколько загогулин, один большой дракон, и Чейни нас отпустил.

Я закинул голубкин карандаш ей в рюкзак, подождал, пока она сложит остальные вещи, и мы вместе отправились в столовую.

На нас уже не пялились, как раньше. Народ уже привык к тому, что мы все время вместе. Стоя в очереди, мы говорили о новом реферате по истории, который задал Чейни. Потом Эбби провела карточкой по терминалу и направилась к столику. Я заметил, что сегодня у нее на подносе нет апельсинового сока, который она брала каждый день.

За прилавком выстроились сердитые служители. Выбрав в качестве мишени кассиршу, очень суровую на вид, я обратился к ней:

– Извините, мисс... э-э... мисс...

Дама сразу почуяла, что со мной лучше не связываться. Большинство женщин понимают это, только оказавшись в непосредственной близости от моего дивана.

– Армстронг, – хрипло подсказала она.

Где-то в закоулках моего сознания мелькнула жутковатая картина: мисс Армстронг у меня на диване. Подавив отвращение, я продолжил атаку:

– Очень приятно. Решил обратиться к вам, потому что вы ведь, наверное, главная здесь... Скажите, апельсинового сока сегодня нет?

– Есть на складе. Некогда было выставить.

Я кивнул:

– Конечно, вы ведь постоянно заняты. Здесь никто так не работает, как вы. Это всем заметно. Наверняка вас скоро повысят.

Она приподняла подбородок, чтобы уменьшить количество складок на шее.

– Да уж пора бы... Ты хотел апельсиновый сок?

– Да, баночку. Если нетрудно, разумеется.

Она подмигнула:

– Я сейчас.

Когда я поставил сок на голубкин поднос, она сказала:

– Не стоило. Я сама бы взяла.

Эбби сняла куртку и положила ее на колени. Плечи у нее были все еще загорелые и слегка лоснились. Так и хотелось дотронуться. Чего только не пронеслось у меня в голове в этот момент!

– Что ж, я облегчил тебе жизнь, – ответил я и улыбнулся одной из своих самых обворожительных улыбок. На сей раз искренне. Я смог что-то сделать для голубки, и это было чертовски приятно.

Тут Брэзил фыркнул:

– Трэвис, она превратила тебя в лакея? И что дальше? Будешь обмахивать ее пальмовой ветвью в плавательном костюме от «Спидо»?²

Я вытянул шею и посмотрел на ослабившуюся физиономию Брэзила. Он ляпнул не со зла, но приятный момент был испорчен, и это меня взбесило. Тем более что я, наверное, и правда выглядел как лакей, когда нес Эбби сок.

Голубка наклонилась вперед и тоже уставилась на острьяка:

² Известный бренд плавательных костюмов.

- А ты, Брэзил, даже не влезешь в «Спидо». Так что закрой рот!
- Полегче, Эбби! Я пошутил, – сказал Брэзил, поднимая руки.
- Просто... не говори о нем так, – пробормотала Эбби нахмурившись.

Некоторое время я наблюдал, как голубка молча борется со своим гневом. Успокоившись, она подняла на меня глаза.

– Вот теперь я все повидал. За меня только что заступилась девчонка! – сказал я, огоршенный ее внезапным выпадом.

Слегка улыбнувшись Эбби, я встал, смерил взглядом Брэзила и, подойдя к урне, стряхнул туда содержимое своего подноса. Я был не настолько голоден, чтобы есть такую бурду.

Я распахнул металлические двери. Достал из кармана пачку сигарет и закурил, стараясь забыть неприятный эпизод с соком. Я только что выставил себя дураком из-за девчонки. Теперь, поди, у моих «братьев» по Сиг Тау радости полные штаны. Ведь я два года издевался над ними, если кто-нибудь из них говорил, что у него с девушкой не просто секс. Ну а теперь подошла моя очередь помучиться. И я ни хрена не мог с этим поделать. Не мог, и все. Или даже еще хуже: не хотел.

Я торчал на крыльце и, когда те, кто стоял рядом, смеялись, тоже смеялся. Хотя понятия не имел, о чем идет речь. Я весь кипел от злости и унижения. Точнее, злился из-за того, что оказался в унижительном положении. Как ни назови, все равно.

Девчонки по очереди цеплялись за меня, пытаясь завязать разговор. Я кивал и улыбался, чтобы не показаться грубым, но на самом деле мне хотелось поскорее убраться отсюда и врезать по чему-нибудь кулаком. Если я взорвусь прямо здесь, на людях, это будет проявлением слабости, а такого от меня не дождутся.

Эбби вышла из столовой, и я бросился к ней, на полуслове оборвав девицу, которая мне что-то говорила.

- Голубка, подожди. Я провожу тебя! – сказал я.
- Трэвис, тебе необязательно провожать меня на каждый урок. Я сама знаю дорогу.

Бесполезно отрицать, что меня это задело: я получил категорический отказ, причем Эбби даже не взглянула в мою сторону.

Как раз в этот момент мимо прошла девчонка в короткой юбке и с ногами от ушей. Ее блестящие темные волосы развевались при ходьбе. И тут меня осенило: чего я жду? Почему бы мне не снять первую попавшуюся аппетитную телку, раз с Эбби мы просто друзья? Я буду продолжать поддерживать наши с голубкой платонические отношения, но, если не предпринять что-нибудь радикальное, все пойдет прахом: я вконец запутаюсь в своих беспорядочных мыслях и ощущениях, не поддающихся контролю.

Пора было провести черту. Эбби – это Эбби. Я решил, что не достоин ее. Но другие девушки – это другие девушки, и они тут совершенно ни при чем.

- Голубка, я догоню, – прокричал я, бросая сигарету на асфальт.

Слишком утруждаться мне не пришлось: я было приготовился к охоте, но, похоже, добыча сама охотилась на меня. Потому и надела коротенькую юбку и высоченные каблуки. Я догнал ее и, засунув руки в карманы, спросил:

- Торопишься?
- Девушка улынулась: она была уже моя.
- Иду на занятие.
- Правда? На какое?
- Она остановилась и скривила ротик:
- Ты, кажется, Трэвис Мэддокс?
- Он самый. Моя слава идет впереди меня?
- Так и есть.
- Ну, раз делать нечего, признаю себя виновным.

Она покачала головой:

– Мне надо идти.

Я вздохнул, изображая разочарование:

– Жаль! А то я как раз хотел тебя кое о чем попросить.

– О чем? – попыталась узнать она несколько озадаченно, но не переставая улыбаться.

Конечно, можно было прямо сказать, что я предлагаю ей поехать ко мне и по-быстрому перепихнуться. Наверное, она бы согласилась. И все-таки немного шарма никогда не помешает.

– Проводи меня до дома. Я совершенно не ориентируюсь в пространстве.

– Серьезно?

Она сначала нахмурилась, потом улыбнулась: ей явно понравился этот мой маневр. Две верхние пуговицы на ее кофточке были расстегнуты, так что виднелись изгибы груди и полоска лифчика. Я переступил с ноги на ногу, почувствовав знакомое ощущение ниже пояса.

– Честное слово! – улыбнулся я.

Она перевела взгляд на ямочку у меня на щеке. Не знаю почему, но девчонки от этих ямочек просто балдели. Она пожала плечами, стараясь казаться спокойной:

– Поезжай вперед. Если увижу, что ты сбиваешься с курса, посигналю.

– Мне туда, – сказал я, кивая в сторону стоянки.

Еще на лестнице она провела языком по моему горлу, а пока я искал нужный ключ, стянула с меня куртку. Думаю, выглядело это все довольно неуклюже, зато нам было прикольно. Я уже здорово наловчился открывать квартиру, не отнимая губ от губ своей гостьи. Как только с замком было покончено, она пихнула меня внутрь. Я захлопнул дверь, обхватив прекрасную незнакомку за бедра и резко прислонив к обшивке. Девушка обняла меня ногами, и я, удерживая ее на весу, прижался к ней животом.

Она поцеловала меня так, будто неделю ничего не ела и теперь пыталась отнять кусок, который я держал во рту. Надо признаться, это было обалденно. Когда она укусила меня за нижнюю губу, я попятился и наскочил на журнальный столик. На пол посыпалась всякая дребедень.

– Упс! – сказала девушка и рассмеялась.

Она подошла к дивану и облокотилась на спинку. Я с улыбкой посмотрел на ее прорисованные ягодицы, разделенные тоненькой полоской белого кружева. Было ясно: с этой девчонкой у меня все пройдет как надо. Я расстегнул ремень и шагнул к ней. Она выгнула шею, тряхнув длинными темными волосами. Сегодня мне попалась та еще горячая штучка, и я чувствовал, что не разочарую ее. Казалось, молния у меня на джинсах вот-вот лопнет.

Девушка повернулась ко мне. Я наклонился и поцеловал ее.

– Может, сказать тебе, как меня зовут? – выдохнула она.

– Зачем? – сказал я. – И так неплохо.

Она улыбнулась и, подцепив трусики большими пальцами, скользнула руками по бедрам. Потом весело посмотрела на меня своими бесстыжими глазками. Тут я ни с того ни с сего почувствовал на себе укоризненный взгляд Эбби.

– Чего ждешь? – нетерпеливо спросила девушка.

– Ничего! – ответил я, мотнув головой, и попытался сосредоточиться на голой заднице, прижатой к моим бедрам.

Бороться с рассеянностью, чтобы не возникло проблем с эрекцией, – это было для меня что-то новое. Все из-за Эбби.

Девушка развернулась, через верх сдернула с меня рубашку и расстегнула молнию на штанах. Черт! То ли я сегодня торможу, то ли эта брюнетка – женская версия меня. Я сбросил ботинки, стряхнул с себя джинсы и пинком отшвырнул их в сторону.

Она подняла ногу и, обхватив меня за бедро, шепнула мне в ухо:

– Я так давно этого хотела! С тех пор как увидела тебя на вводных лекциях для первокурсников.

Пытаясь вспомнить, разговаривал ли я с ней хоть раз до сегодняшнего дня, я снизу вверх провел рукой по ее ляжке и в определенный момент почувствовал, что моя гостья не соврала: за год ожидания она прекрасно на все настроилась и тем самым освободила меня от лишних хлопот.

Она застонала, как только я прикоснулся кончиками пальцев к ее теплой увлажненной коже. Рука скользила совсем легко. Я ощутил боль в мошонке. За много недель у меня было всего две женщины: эта телочка и Люси, подруга Дженет. Ах да, еще Меган. С ней три. Она забежала ко мне на следующее утро после того, как я встретил Эбби. Эбби. Внезапно подкатившее чувство вины было сейчас совсем нехстати.

– Не двигайся, – сказал я и в одних трусах побежал в спальню.

Достав из прикроватной тумбочки презерватив, я заторопился обратно в гостиную, где моя бесподобная брюнетка стояла в точно такой же позе, в какой я ее оставил. Она вырвала у меня из рук пакетик и опустила на колени. Применив немного фантазии и проделав несколько оригинальных фокусов языком, она радостно распласталась ничком на моем диване.

Глава V

Соседи

Моя знойная гостя отправилась в ванную одеваться и прихорашиваться. После того как мы с ней закончили, она сказала слова два или три, и я подумал, что неплохо бы взять у нее телефон и включить ее в список моих постоянных подружек – девчонок вроде Меган, с которыми можно заняться сексом без лишних хлопот и не пожалеть о потраченном времени.

Мобильник Шепы «чмокнул»: пришла эсэмэска от Америки. Каждый раз, когда мой братец получал сообщение от своей ненаглядной, раздавался звук поцелуя. Она сама установила на его телефон такой сигнал, а ему это как будто даже понравилось. Они, конечно, были очень милой парочкой, но иногда меня от них тошнило.

Я сидел на диване, переключая телевизор с канала на канал. Ждал, когда моя брюнетка закончит свой туалет и можно будет ее выпроводить. Тут я заметил, что Шепли как-то подозрительно засуетился.

– Проблемы? – спросил я, сдвигая брови.

– Тебе, наверное, лучше прибрать весь этот бардак. Сейчас приедут Мер и Эбби.

Услышав последнее слово, я встрепнулся:

– Эбби?

– Да. В Моргане опять сломался водонагреватель.

– И?

– И они несколько дней поживут у нас.

Я выпрямился:

– Они? Ты хочешь сказать, что Эбби будет жить здесь? В нашей квартире?

– Ну наконец-то дошло! Выкинь из головы прелести своей стриптизерши и слушай сюда: девчонки подъедут через десять минут. С вещами.

– Да иди ты!

Шепли на секунду перестал суетиться и посмотрел на меня исподлобья.

– Оторви зад от дивана и помоги мне. Чтобы к их приходу здесь не было никакого хлама! – Он указал на ванную.

– Черт! – пробормотал я и вскочил как ошпаренный.

– Вот именно, – кивнул он, глядя на меня вытаращенными глазами.

Мне стало ясно, почему Шеп так разнервничался: если Америка застанет мою брюнетку в нашей квартире, у него будут проблемы. Мер с Эбби могут передумать и вернуться в общагу, а ему этого не хотелось. И мне тоже.

Я устоял на двери ванной. Вода бежала из крана не переставая. Уж не знаю, что эта девица там делала, но, похоже, выметаться она не собиралась. Мне не хотелось быть застигнутым в тот момент, когда я пытаюсь выпихнуть ее за дверь, поэтому я плюнул и решил: чем тратить время впустую, лучше постелить свежие простыни и прибраться.

– А где Эбби будет спать? – спросил я, косясь на диван.

Этот предмет нашей обстановки четырнадцать месяцев служил мне арендой для любовных игр, и голубке было совершенно ни к чему на него ложиться.

– Не знаю. Может, в кресле?

– Дурак, что ли? Нет уж, спасибо. – Я почесал затылок. – Пожалуй, она будет спать у меня на кровати.

Тут Шепли заржал так, что слышно было за два квартала, не меньше. Он согнулся в три погибели, а лицо у него стало красным, как помидор.

– Чего-чего?

Разогнувшись, он нацелил на меня палец и попытался что-то сказать, но не смог: его все еще трясло от хохота. Поэтому он просто отошел и продолжил уборку, не прекращая истерически смеяться.

Через десять минут Шепли уже бежал к двери. Пока он спускался по лестнице, кран в ванной замолчал, и в квартире стало очень тихо. А еще через несколько минут дверь снова открылась.

– Боже, детка! Твой чемодан на двадцать фунтов тяжелее, чем у Эбби! – жалобно пропыхтел Шеп.

Я выглянул в коридор, и в этот момент из ванной появилась моя прелестная незнакомка. Увидев Эбби и Америку, она на секунду замерла, а потом принялась за свою кофточку, которую не успела до конца застегнуть. На физиономии у нее красовалась размазанная косметика. В общем, картина получилась эффектная.

С минуту я даже неловкости не чувствовал: так эта девка меня взбесила. Я-то думал, что проблем с ней не будет, а она умудрилась окончательно погубить нас в глазах Америки и Эбби. Хотя и без нее встреча получилась бы не совсем торжественная: я по-прежнему был в одних трусах.

– Привет, – сказала брюнетка.

Она взглянула на чемоданы, и ее удивление перешло в полное замешательство. Америка негодуяще вытаращилась на Шепли. Он поднял руки:

– Она с Трэвисом!

Мой выход. Я шагнул к брюнетке и, зевнув, похлопал ее по заднице.

– Мои друзья дома. А тебе пора уходить.

Несколько расслабившись, она улыбнулась, обняла меня и поцеловала в шею. Еще час назад ее губы были мягкими и теплыми. А теперь, когда передо мной стояла Эбби, они показались мне похожими на кусок липкого теста, обмотанный колючей проволокой.

– Я оставляю свой номер на барной стойке.

– Э... не утруждай себя, – сказал я подчеркнуто небрежно.

– Что?

Девушка отпрянула, глаза у нее сверкнули, и она принялась искать в моем взгляде что-то, кроме того, что я действительно имел в виду. К моей радости, ситуация вовремя прояснилась. Я бы мог позвать эту девчонку опять, и тогда все запуталось бы еще сильнее. Я ошибся, когда подумал о возможном продолжении нашего «знакомства», и теперь мне было досадно: до недавнего времени я лучше разбирался в женщинах.

– Каждый раз одно и то же! – воскликнула Америка, глядя на брюнетку. – Как ты вообще можешь удивляться? Он же чертов Трэвис Мэддокс! Именно этим он и знаменит, и каждый божий раз они в шоке!

Выпалив такую тираду, Мер повернулась к Шепли. Он приобнял ее, пытаясь успокоить. Брюнетка вспыхнула от бешенства, смешанного со стыдом, схватила сумочку и, зло сощурясь, вылетела из квартиры.

Дверь хлопнула. Шеп облегченно вздохнул: подобные сцены всегда его напрягали. Ну а мне пора было приступить к укрощению моей строптивой, поэтому я совершенно невозмутимо направился в кухню и открыл холодильник. Судя по выражению глаз Эбби, она готовилась наговорить мне такого, чего я еще никогда не слышал. Она была далеко не первой, кому захотелось угостить меня моей же собственной задницей на серебряном блюде. Просто до сих пор я не считал нужным выслушивать те проклятия, которыми осыпали меня женщины.

Америка покачала головой и направилась в комнату. Шепли поплелся следом, скособоившись под тяжестью чемодана своей возлюбленной. А Эбби, вместо того чтобы нанести ожидаемый удар, упала в кресло. «Так-так... – подумал я. – Она здорово разозлилась. Наверное, лучше вскрыть этот нарыв, чем позволять ей дуться бог знает сколько».

Я скрестил руки и, оставаясь на минимально безопасном расстоянии от источника гнева (то есть в кухне), непринужденно спросил:

– Голубка, что с тобой? Тяжелый день?

– Нет, я питаю истинное отвращение...

Начинается.

– Ко мне? – улыбнулся я.

– Да, к тебе! Как ты можешь использовать девушку и после так отнестись к ней?

Пошло-поехало...

– Как я к ней отнесся? Она предложила номер телефона, я отказался.

Эбби разинула рот, а я еле сдержал смех. Не знаю почему, но мне становилось очень весело, когда я видел, как ее шокирует мое поведение.

– Ты занимаешься с ней сексом, но телефон не берешь?

– Зачем мне ее номер, если я не стану звонить?

– А зачем спать с ней, если ты не собираешься ей позвонить?

– Голубка, я никому ничего не обещаю. Она не оговаривала дальнейшие отношения, прежде чем распластаться на моем диване.

Эбби с отвращением посмотрела на упомянутый предмет:

– Трэвис, она же чья-то дочь. Что, если в будущем с твоей дочерью станут так обращаться?

Тут я быстро нашелся что ответить:

– Скажем так, моей дочери лучше не расставлять ноги перед первым встречным кобелем.

Я говорил то, что думал. Позволительно ли обращаться с девушками как со шлюхами? Нет. Позволительно ли обращаться со шлюхами как со шлюхами? Да. Я и сам был не лучше их. Поэтому, когда я первый раз переспал с Меган, она ушла, даже не обняв меня. И я не расплакался, не принялся ведерками поглощать мороженое, не побежал к «братьям» по Сиг Тау жаловаться на то, что я на первом же свидании затащил девчонку на диван и после этого она обошлась со мной соответствующим образом. Нужно принимать все как есть, и бессмысленно охать из-за своего доброго имени, от которого ты сам не оставил камня на камне. Как известно, женщины любят осуждать друг друга. От этого занятия они иногда отвлекаются только для того, чтобы осудить мужчину. Очень часто, прежде чем мне придет в голову привести девчонку к себе, я слышу, что однокурсницы называют ее шлюхой. Потом я занимаюсь с этой шлюхой сексом без обязательств и почему-то становлюсь плохим парнем. Разве это не абсурд?

Эбби сложила руки и надулась: похоже, ей нечего было возразить, и это злило ее еще больше.

– Значит, себя ты признаешь кобелем. А раз она переспала с тобой, то заслуживает подобного обращения – чтобы ее вышвырнули как бродячую кошку?

– Я лишь говорю, что был с ней честен. Она уже взрослая, все случилось по взаимному согласию... если тебе интересно, то она проявила изрядную настойчивость. Ты ведешь себя так, словно я совершил преступление.

– Трэвис, мне не показалось, что она не слишком трезво осознавала твои намерения!

– Женщины любят придумывать всяческие объяснения своим поступкам. Она не сказала мне в лоб, что ожидает продолжения отношений, как и я не сказал, что мне нужен секс без всяких обязательств. Чем это отличается?

– Ты просто свинья.

Я равнодушно пожал плечами:

– Меня еще не так обзывали.

На самом деле я почувствовал себя так, будто мне под ноготь всадили целое бревно. Я знал, что Эбби сказала правду, но от этого было не легче.

Она еще раз с содроганием посмотрела на диван:

– Пожалуй, я посплю в кресле.

– Это еще почему?

– На этом я спать не буду! Один бог знает, что я там подцеплю.

Я поднял ее сумку с пола:

– Ни на диване, ни в кресле ты спать не будешь. Ты спишь в моей кровати.

– Уверена, там еще большая антисанитария, чем на диване.

– В моей кровати, кроме меня, никого никогда не было.

Она закатила глаза:

– Не смей меня!

– Серьезно. Я трахаю их на диване, а в свою комнату никого не пускаю.

– Так почему же мне позволено спать на твоей кровати?

Я чуть было ей не признался. Слова вертелись у меня на языке, но я себе-то не решался их сказать, не то что ей. В глубине души я знал, что я кусок дерьма и она заслуживает большего. Она действительно была особенная. Поэтому мне, с одной стороны, хотелось взять ее в охапку и отнести в постель, а с другой стороны, я не мог себе этого позволить. Эбби казалась мне моей противоположностью: снаружи она невинна, но глубоко внутри у нее какая-то болячка. В ней, голубке, было нечто очень нужное мне. И хоть я не знал, как это назвать, я старался засунуть свои дурные привычки подальше. Иначе все бы пропало. Я видел: Эбби может быть снисходительной к людям, но ее терпимость имеет определенные границы, которых лучше не переступать.

Ничего такого я говорить не стал. Мне пришел в голову более удачный ответ, и я, усмехнувшись, сказал:

– Ты планируешь заняться со мной ночью сексом?

– Нет!

– Вот поэтому. А теперь поднимай свою ворчливую задницу и иди под горячий душ. Потом мы немного позанимаемся биологией.

Она вспыхнула, но сделала, как я сказал. Чуть-чуть не задев меня плечом, быстро прошла в ванную и захлопнула за собой дверь. Водопроводные трубы подняли тоскливый вой.

Вещей Эбби взяла немного: только самое необходимое. Я нашел у нее в сумке шорты, футболку и двое белых трусов. Я вытащил их и, рассмотрев, закопал поглубже. Трусы были самые обыкновенные: белые с сиреневыми полосками. Значит, она не собиралась раздеваться передо мной. Даже подразнить не собиралась. Это немного разочаровывало, и в то же время теперь Эбби нравилась мне еще больше. Интересно, а есть ли у нее вообще открытые трусики?

Может, она девственница? Я рассмеялся: девственница в колледже – в наши дни это неслыханно.

Еще я нашел в сумке тюбик зубной пасты, щетку и баночку с каким-то кремом для лица. Взяв все это и прихватив чистое полотенце из бельевого шкафчика, я направился в ванную. Постучал. Эбби не ответила. Тогда я просто вошел: во-первых, она за шторкой, а во-вторых, у нее нет ничего такого, чего бы я не видел.

– Мерик?

– Нет, это я.

– Ты что здесь делаешь? Убирайся! – взвизгнула Эбби.

Я хохотнул, обрадованный этой инфантильной реакцией, и положил умывальные принадлежности возле раковины.

– Ты забыла полотенце, а еще я принес одежду, зубную щетку и какой-то подозрительный крем для лица, который нашел в твоей сумке.

– Ты рылся в моих вещах? – ее голос подскочил вверх на целую октаву.

Я чуть не подавился со смеху: надо же, до чего эта скромница переполошилась! А я ведь, как гостеприимный хозяин, только принес ей ее барахлишко! Можно подумать, я мог найти

у нее в сумке что-нибудь интересное. Интересного там не больше, чем в портфеле училки воскресной школы.

Я выдавил немного пасты из голубкиного тюбика на свою щетку и включил кран. Эбби сначала странно притихла, а потом из-за шторы показались ее глаза и лоб. Я чувствовал, как она взглядом прожигает мне дыру на затылке, но делал вид, что ничего не замечаю.

Непонятно, почему она так распсиховалась. Я, наоборот, стал какой-то подозрительно спокойный. Никогда не думал, что подобные бытовые картинки будут меня умилять.

– Трэвис, убирайся! – прорычала она.

– Я не могу лечь спать, не почистив зубы!

– Если подойдешь к этой шторке ближе чем на два фута, то во сне я выколю тебе глаза!

– Голубка, я не стану подглядывать.

При этом я не без некоторого удовольствия представил себе, как она склоняется надо мной – пусть даже и с ножом. Но лучше бы, конечно, она склонилась надо мной без ножа.

Я почистил зубы и, довольный, направился в спальню. Через несколько минут трубы затихли, но Эбби все никак не выходила. Я снова подошел к двери ванной и нетерпеливо заглянул внутрь.

– Скорее, голубка, я уже состарился!

Я не ожидал, что вид Эбби после душа произведет на меня большое впечатление: она ведь уже шеголяла передо мной ненакрашенная. Но сейчас кожа у нее порозовела и как будто светилась, а длинные мокрые волосы были зачесаны назад и блестели. Я невольно замер. Эбби с размаху запустила в меня расческой. Я пригнул голову, потом захлопнул дверь и, усмехаясь, вернулся в комнату.

Через какое-то время я услышал, как маленькие ножки зашлепали по коридору в направлении моей спальни. От этого звука сердце у меня забилося сильнее.

– Спокойной ночи, Эбби, – прокричала Мер из комнаты Шепа.

– Спокойной ночи, Мерик.

Ха-ха! Не знаю, как насчет всей Америки, но мне благодаря подруге моего двоюродного брата теперь вряд ли удастся спокойно поспать. Казалось, я подсел на какой-то наркотик: хочется все больше и больше, не можешь остановиться. Правда, зависимость от наркотика возникает после того, как его попробуешь, а к Эбби я даже не прикасался. Я просто старался быть рядом с ней, и от этого мне становилось хорошо. Больше надеяться было не на что.

Голубка тихонько стукнула в дверь, и я очнулся:

– Заходи, голубка. Тебе необязательно стучаться.

Эбби вошла: темные мокрые волосы, серая футболка, клетчатые шортики. Судя по ее расширенным глазам, внимательно изучающим голые стены, она пыталась сделать какие-то выводы обо мне исходя из того, как обставлена моя спальня. Голубка оказалась первой женщиной, которую я сюда впустил. Я вовсе не ждал этого момента, но вот она вошла, и неожиданно я сам стал воспринимать свою комнату по-новому.

Раньше это было просто место, где я спал. В остальное время я тут почти не бывал и поэтому не задумывался, уютно здесь или нет. Теперь пустота белых стен бросилась мне в глаза. Сюда вошла Эбби, и до меня дошло, что моя спальня – это мой дом, а дома не должно быть так голо.

– Прикольная пижамка, – наконец сказал я, садясь на кровать. – Иди сюда. Я не кусаюсь.

Эбби опустила подбородок, приподняв брови:

– Я вовсе тебя не боюсь. – Ее учебник по биологии шлепнулся рядом со мной. – У тебя есть ручка?

Я кивнул в сторону тумбочки:

– В верхнем ящике.

Сказав это, я похолодел: сейчас она обнаружит мой стратегический запас, и тогда мне конец!

Эбби оперлась коленом о кровать, дотянулась до тумбочки, порылась в ней и отпрянула. Схватив ручку, захлопнула ящик.

– Что такое? – спросил я, делая вид, что читаю учебник.

– Ты ограбил медицинский центр?

Откуда голубке знать, где берут такие вещи?

– Нет. Почему?

Она скривила мордочку:

– У тебя там пожизненный запас презервативов.

Ну вот, началось!

– Береженого бог бережет, так ведь?

С этим было не поспорить. Я ждал, что Эбби начнет кричать и обзывать, но она просто закатила глаза. Я продолжал листать учебник, стараясь не выдать своего облегчения.

– Ладно, давай начнем отсюда... Боже мой! Фотосинтез? Разве вы его в старших классах не проходили?

Она замялась:

– Вроде как проходили... Это вводный курс, Трэв. Я не сама составляла себе программу.

– Ты ведь ходишь на матанализ! Как можно быть такой продвинутой по математике и такой отсталой по естественным наукам?

– Я не отстала. Любой курс начинается с повторения.

– Да что ты говоришь! – съязвил я. Потом принялся в общих чертах объяснять суть фотосинтеза и строение растительной клетки. Говорил долго и нудно, но Эбби слушала, не пропуская мимо ушей ни единого слова. Даже можно было подумать, будто я сам интересую ее не меньше, чем получение зачета. – Итак, липиды... Давай повторим, что это такое.

Голубка сняла очки:

– Сдаюсь. Я больше не могу запомнить ни одной макромолекулы.

Ну и хрен с ними, с макромолекулами. Пора спать.

– Хорошо.

Эбби вдруг забеспокоилась, и я почему-то воспринял это как обнадеживающий знак. Она осталась в комнате наедине со своими нервами, а я отправился в душ. Мысль о том, что голубка только что стояла голая на том самом месте, где сейчас стою я, возбудила меня, и, прежде чем вылезти, мне пришлось минут пять простоять под ледяной водой. Было не очень приятно, но без этого я бы не успокоился.

Когда я вернулся в спальню, Эбби лежала на боку с закрытыми глазами. Неподвижная, как доска. Я сбросил с себя полотенце, надел трусы, потом заполз в постель и выключил свет. Голубка не шевелилась, но я знал, что она не спит: каждый мускул ее тела был напряжен. Наконец она повернулась ко мне:

– Ты тоже будешь здесь спать?

– Ну да. Это же моя кровать.

– Я знаю, но... – Она осеклась, пытаясь найти какой-нибудь выход из положения.

– Разве ты не научилась доверять мне? Клянусь, я буду вести себя самым лучшим образом.

При этих словах я показал ей руку с тремя поднятыми пальцами: указательным, средним и мизинцем, – намекая на то, чего обещал не делать. Этот похабный жест был прекрасно известен моим «братьям» из Сиг Тау, но голубка его не поняла.

Разумеется, мне ужасно хотелось нарушить обещание, но делать глупости было рискованно. Эбби казалась одновременно твердой и нежной. Если бы я пошел напролом, она, пожалуй, начала бы вести себя как загнанный зверь и все бы пропало. Поэтому приходилось тер-

петь. К тому же в наших нынешних отношениях тоже была какая-то своеобразная острота. Они чем-то напоминали ходьбу по канату или экстремальную езду на мотоцикле.

Эбби отвернулась и принялась мутузить одеяло, подтыкая его под каждый изгиб своего тела. Снова расплывшись в улыбке, я наклонился к ее уху:

– Спокойной ночи, голубка.

Глава VI

Нагрузились

Я открыл глаза. Солнце только что взошло, и на стенах спальни появились первые тени. Спутанные волосы Эбби лежали у меня на лице. Я сделал глубокий вдох. «Боже мой, неужели все это происходит со мной, говнюком?» – подумал я и, перевернувшись на спину, еще раз потянул носом воздух. Голубка по-прежнему пахла шампунем и лосьоном.

Через несколько секунд заблеял будильник, и Эбби, проснувшись, откинула руку мне на грудь, но потом быстро ее отдернула.

– Трэвис, – сонно пробормотала она, – твой будильник!

Подождав с минуту, она вздохнула, с трудом дотянулась до пластиковой коробочки, стоявшей возле меня, и прихлопнула ее рукой. Звук прекратился. Эбби упала на подушку и облегченно выдохнула. Я усмехнулся и этим себя выдал. Голубка негодуяще разинула рот:

– Значит, ты не спишь?

– Я обещал вести себя смирно и даже не возражал, когда ты легла на меня.

– Не ложилась я на тебя, я просто не могла дотянуться до часов. У тебя самый противный будильник, какой я только слышала. Как будто стонет раненое животное.

– Хочешь позавтракать? – спросил я, засовывая руки под голову.

– Нет, я не голодна.

Похоже, Эбби из-за чего-то разозлилась, но я делал вид, что все в порядке. Может, моя голубка просто не жаворонок и по утрам всегда бывает такая. Правда, днем и вечером она тоже не слишком-то приветливая. Видно, мне попалась та еще колючка. Что ж, прекрасно!

– А вот я напротив. Почему бы нам не доехать до какого-нибудь кафе?

– Вряд ли мне с самого утра захочется терпеть твои водительские навыки, точнее их отсутствие, – парировала она и, просунув в тапочки худенькие ступни, пошлепала к двери.

– Ты куда?

Эбби взорвалась:

– Одеваться и ехать на уроки. Тебе что, маршрутный лист сделать, пока я здесь?

Кажется, она любит играть жестко. Ну ладно, пожалуйста. Я подошел и взял ее за плечи. Черт! Какая же она приятная на ощупь!

– Ты всегда такая ворчливая? Или это пройдет, когда ты поймешь, что я не строю изощренных планов залезть к тебе в трусы?

– Я не ворчунья!

Я наклонился и прошептал ей в самое ухо:

– Голубка, я не хочу спать с тобой. Ты мне слишком уж нравишься.

Она вся напряглась, а я отошел, не говоря больше ни слова. От радости победы я чуть не запрыгал на месте, но сдержался и, только выйдя за дверь, несколько раз торжествуяще ударил воздух. Ее было нелегко смутить, но, когда мне это удавалось, я чувствовал, что на шагок приблизился... Стоп! Приблизился к чему? Этого я точно не знал, но, по-моему, все шло как надо.

Мы давненько не пополняли наши продуктовые запасы, поэтому завтрак получился не особенно изысканный. Хотя вполне съедобный. Я взбил в миске несколько яиц, добавил немножко лука, зеленого и красного перца и вылил эту смесь в сковородку. Эбби вошла и села за стойку.

– Уверена, что не будешь?

– Да, уверена, но спасибо.

Она еще не до конца проснулась, но уже выглядела потрясающе. Надо же! Вообще-то я догадывался, что в женщине, которая только встала с постели, может быть какая-то своеобразная привлекательность, и все равно не мог не удивиться. Раньше в это время суток я видел только девушек своего брата и старался их особенно не разглядывать.

Шепли достал тарелки и поднес их к сковороде. Я лопаточкой разложил яичницу. Эбби наблюдала за мной с некоторым интересом.

– Шеп, не смотри на меня так! Извини, но я действительно не хочу туда идти, – фыркнула Америка, когда Шеп поставил перед ней ее порцию.

Он уже несколько дней ныл из-за того, что она отказывалась пойти с ним на вечеринку для влюбленных. Я был согласен с Мер: эти вечеринки – сплошное мученье. Хотя большинство девчонок от них без ума и из кожи вон лезут, чтобы напроситься на приглашение.

– Детка, – простонал Шепли, – в «Доме» вечеринка для пар проводится лишь дважды в году. Еще целый месяц впереди. У тебя предостаточно времени на то, чтобы выбрать платье и сделать все, что вам, девчонкам, нужно.

Америка вроде бы не собиралась сдаваться, и я перестал следить за разговором. Вдруг до меня донеслось, что она согласится пойти на вечеринку, только если пойдет и Эбби. А чтобы Эбби могла пойти, ей нужен парень. Мер уставилась на меня. Я недоуменно приподнял бровь.

– Нет, Трэв не ходит на вечеринки для пар, – не раздумывая, отрезал Шеп. – Туда приводят своих девушек... а Трэвис... ну ты знаешь.

Америка пожала плечами:

– Мы можем найти ей кого-нибудь еще.

Я тоже хотел было высказаться, но Эбби меня оборвала: ей явно не понравилось, что мы пытаемся принять решение за нее.

– Вообще-то, я все слышу, – проворчала она.

Америка надула губки (на Шепу это всегда действовало безотказно):

– Эбби, ну пожалуйста. Мы найдем тебе отличного парня, веселого и остроумного. Я гарантирую, что он будет просто огонь. Обещаю, ты здорово проведешь время. И кто знает? Может, вы друг другу понравитесь!

Я нахмурился: Америка собиралась подыскивать голубке парня. Для вечеринки влюбленных. Из числа моих «братишек». Ну уж нет, хрена с два! У меня волосы встали дыбом, как только я подумал, что у нее с кем-нибудь (неважно, с кем) может что-нибудь получиться.

– Я не говорил, что не отведу ее на вечеринку, – выпалил я, с грохотом швырнув сковородку в раковину.

Эбби закатила глаза:

– Трэвис, не делай мне одолжений.

Я шагнул к ней:

– Голубка, я не об этом. Эти вечеринки для парней, у которых есть подружки. Всем известно, что не в моих привычках с кем-то встречаться. Но за тебя не стоит волноваться, ты же не будешь после ждать обручального кольца.

Америка снова надула губки:

– Эбби, ну пожалуйста!

Вид у голубки был страдальческий.

– Не смотри на меня так! Трэвис не хочет идти, я не хочу идти... ничего из этого не выйдет.

А мне эта идея нравилась все больше и больше. Я сложил руки и, прислонившись к раковине, произнес:

– Я не говорил, что не хочу идти. Мне кажется, будет весело, если мы пойдем вчетвером. Все вопросительно посмотрели на Эбби. Она поежилась:

– Почему бы нам просто не потусить здесь?

Эта мысль мне, кстати, тоже понравилась.

Америка разочарованно вздохнула, а Шепли наклонился к голубке, продолжая ее уговаривать:

– Эбби, я должен пойти. Я первокурсник, и мне придется следить, чтобы все шло как по маслу, у всех были напитки и все такое прочее.

Эбби казалась совершенно подавленной. Ей ужасно не хотелось идти, но она не могла отказать Америке. А тут еще Шеп, который рад наболтать чего угодно, лишь бы его девушка составила ему компанию. Вот это меня и напрягало. Если Эбби пойдет не со мной, она проведет вечер, а может и ночь, с кем-нибудь из моих «братишек». Они неплохие ребята, но я много раз слышал, как они хвастаются друг перед другом своими победами. И я не допущу, чтобы они точно так же трепались о голубке.

Я подошел к Эбби и обнял ее за плечи:

– Да ладно тебе, голубка. Ты пойдешь со мной?

Она посмотрела сначала на Америку, потом на Шепу. Это длилось всего несколько секунд, но мне показалось, что прошло черт знает сколько времени. Наконец Эбби подняла глаза на меня, и я понял: сдалась.

– Да, – вздохнула она.

В ее голосе не было энтузиазма, но сейчас это не имело значения. Главное, я знал, что она пойдет со мной, и мог дышать спокойно.

Америка завизжала, как делают все девчонки, захлопала в ладоши и принялась душить Эбби в объятиях. Шепли благодарно улыбнулся: сначала мне, потом голубке.

– Спасибо, Эбби, – сказал он, кладя руку ей на спину.

Я еще ни разу не видел, чтобы девушка так неохотно соглашалась идти на свидание со мной. Но, опять же, это ведь не я был ей противен, а сама вечеринка.

Мер и Эбби быстро собрались и уехали на восьмичасовое занятие. Шеп принялся убирать посуду, страшно довольный, что вышло, как он хотел.

– Спасибо, чувак. Я уж думал, Америку не уговорить.

– Слушай, какого хрена вы пытаетесь свести с кем-то голубку?

– Это Мер, я тут ни при чем. А тебе не все равно?

– Нет.

– Ах, вот оно что!

– Просто... просто не надо этого делать. Я бы не хотел застукать Эбби в темном углу с Паркером Хейсом.

Шепли кивнул, соскребая со сковородки остатки яичницы:

– Или с кем-нибудь другим.

– Да.

– И долго ты собираешься продолжать в том же духе?

– Не знаю. Чем дольше, тем лучше. Не мешай мне, и все.

– Трэвис, ты ее хочешь или нет? Это же свинство: ты и сам вроде как не с ней, и с другими она встречаться почему-то не должна!

– Мы просто друзья.

Шепли с сомнением усмехнулся:

– Друзья могут спать с кем угодно и спокойно это обсуждать. По-моему, у вас не так.

– Нет. Но это не значит, что мы не можем быть друзьями.

– Еще как значит, старик.

Пожалуй, он не так уж и ошибался, но мне не хотелось это признавать.

– Просто... – Я замолчал, изучая лицо Шепу. Он меньше, чем кто угодно другой, был склонен меня осуждать, но все равно я боялся проявить слабость, рассказав ему, как много думаю об Эбби. Шепли, скорее всего, поймет меня, но почувствую ли я себя лучше, если

выскажу свои мысли вслух? – В ней есть что-то такое, чего мне всегда не хватало. Вот и все. При этом я вижу, какая она клевая, и не хочу ни с кем ею делиться. Стремно, да?

– Ты не можешь ею делиться или не делиться, если она не твоя.

– А что я знаю о том, как ухаживать за девушками, Шеп? Мой единственный пример – это ты и твои пассии, с которыми у тебя были самые запутанные, болезненные и обременительные отношения! Если она начнет с кем-то встречаться, я ее потеряю.

– Ну, так встречайся с ней сам.

Я покачал головой:

– Мы не готовы.

– Это еще почему? Ты боишься? – спросил Шеп, бросив мне в лицо кухонное полотенце.

Оно упало на пол, я наклонился, поднял его и принялся изо всех сил скручивать то в одну, то в другую сторону.

– Она не такая, как все, Шепли. Она хорошая.

– Ну и чего же ты ждешь?

Я пожал плечами:

– Нужен хотя бы еще какой-то повод.

Шеп соорудил недовольную гримасу и запустил посудомойку. Раздался шум машины, смешанный с шумом льющейся воды.

– Скоро у нее день рождения. Мер собирается это отпраздновать, – сказал Шепли, направляясь к себе в комнату.

– День рождения Эбби?

– Да, где-то через неделю.

– Тогда, конечно, нужно что-то организовать! Ты знаешь, что она любит? У Мер уже есть какие-то мысли? Наверное, я должен что-то купить. Черт, что же мне ей купить?

Шепли остановился на пороге своей спальни и улыбнулся:

– Успеешь придумать. Лекция через пять минут. Поедешь со мной?

– Нет. Лучше попытаюсь еще раз усадить Эбби на свой байк. Для меня это единственная возможность оказаться у нее между бедрами.

Шеп рассмеялся. Дверь его комнаты захлопнулась. Я пошел к себе, натянул джинсы и футболку. Телефон, кошелек, часы. Бедные девчонки! Им по полжизни приходится заниматься фиг знает чем, чтобы только выйти из дома. Я бы так не смог.

Долбаная лекция все никак не кончалась. Со звоном я выскочил из корпуса и рванул через весь кампус к Морган Холлу. Эбби стояла на крыльце с парнем. Как только я их увидел, кровь у меня вскипела. Но потом я облегченно вздохнул: это был Финч. Он курил, а она слушала его болтовню и смеялась. Он бурно жестикулировал (видимо, как раз дошел до кульминации очередной своей потрясающей истории), изредка переставая размахивать руками, только для того чтобы поднести ко рту сигарету.

Когда я подошел, Финч подмигнул Эбби. Мне показалось, это хороший знак.

– Привет, Трэвис! – пропел он.

– Финч, – быстро кивнул я и тут же переключился на Эбби: – Голубка, я еду домой. Тебя подбросить?

– Я как раз собиралась в общагу, – улыбнулась она.

У меня похолодело в желудке, и я, не успев подумать, брякнул:

– Так ты сегодня не остаешься у меня?

– Почему же, остаюсь. Мне просто нужно взять кое-какие вещи.

– Например?

– Мой станок, во-первых. А тебе какое дело?

«Черт! Я от нее тащусь!» – подумал я, а вслух сказал:

– Ага, как раз пора побрить ноги. А то они уже стали царапаться.

У Финча глаза чуть не вылезли из орбит. Эбби нахмурилась.

– Вот так рождаются слухи! – проворчала она и, повернувшись к своему приятелю, добавила: – Я сплю в его кровати... просто сплю!

– Хорошо-хорошо! – осклабился Финч.

Не успел я опомниться, как Эбби уже топала по лестнице в свою комнату. Прыгая через ступеньку, я догнал ее:

– Не бесись. Я просто пошутил!

– Все и так считают, что мы переспали. А ты только масла в огонь подливаешь!

Заняться с ней сексом было бы неплохо. Но если раньше я смутно надеялся, что она этого хочет, то теперь вопрос отпал. Черт возьми, Эбби действительно не собиралась со мной спать!

– Кого волнует, что думают все?

– Меня, Трэвис, меня!

Она распахнула дверь своей комнаты и принялась метаться из угла в угол, открывая и закрывая ящики, хватая какие-то вещи и бросая их в сумку. А я вдруг остро почувствовал, будто потерял что-то дорогое. В таком состоянии хочется либо плакать, либо смеяться, и я усмехнулся.

Эбби посмотрела на меня потемневшими глазами:

– Ничего смешного. Ты хочешь, чтобы вся школа считала меня одной из твоих шлюх?

Моих шлюх? Они не были моими. Как раз потому, что были шлюхами. Я взял сумку у нее из рук. Дело плохо: знаться со мной, не говоря уж о том, чтобы быть моей девушкой, для Эбби это означает запятнать свою репутацию. Раз так, то почему она до сих пор не отказалась со мной дружить?

– Никто так не считает. А если это правда, пускай молятся, чтобы я ничего не услышал.

Я открыл дверь, Эбби выскочила в коридор, я за ней. Вдруг она резко остановилась. Я замер, еле удерживая равновесие, чтобы не налететь на нее. Дверь за моей спиной захлопнулась, и я от неожиданности дернулся: избежать столкновения все-таки не удалось. Эбби вскрикнула. Сначала я подумал, что ей больно, но, когда она обернулась, на ее лице был только испуг. Через секунду она опять заговорила:

– Все наверняка думают, что мы вместе, а ты без стыда и совести продолжаешь свой... образ жизни. Как же жалко я выгляжу! – Она помолчала, содрогнувшись от собственных слов, потом покачала головой. – Думаю, лучше мне больше не оставаться у тебя. Какое-то время нам надо держаться друг от друга подальше.

Она попыталась вырвать у меня из рук свою сумку, но я не дал:

– Голубка, никто не считает, что мы вместе. Необязательно прекращать наше общение, доказывая что-то остальным.

Я был на грани отчаяния: тревожный симптом!

Эбби снова потянула за свою сумку, а я снова ее отдернул. Так мы упражнялись несколько секунд, после чего голубка не выдержала:

– А раньше у тебя была девушка-друг, которая бы жила у тебя? Ты когда-нибудь возил девушек в школу и забирал их? Обедал с ними каждый день? Никто не знает, что думать о нас, даже если мы сами все расскажем!

Я шагал к парковке, неся голубкину сумку. В голове у меня творилось бог знает что.

– Я все улажу, окей? Не хочу, чтобы из-за меня о тебе дурно думали.

Эбби всегда казалась мне загадочной, но сейчас ее горестный взгляд меня просто убил. Я бы сделал что угодно, лишь бы она улыбнулась, но она оставалась все такой же грустной и встревоженной. Только этого мне не хватало! Я ужасно сердился на себя и жалел чуть ли не обо всем, что сделал, с тех пор как мы с голубкой познакомились.

Вдруг до меня дошло: мы категорически не подходим друг другу! Как ни старайся, как ни хитри, я все равно недостаточно хорош для нее. Она достойна большего, и я просто должен

радоваться тем крупяным временям, которые удастся провести рядом с ней. Но проглотить это было нелегко. К тому же откуда-то из темных глубин моей памяти знакомый голос нашептывал мне: «Борись за то, чего хочешь достичь». А борьба была для меня привычнее и проще, чем смирение.

– Позволь, я сам со всем разберусь, – сказал я. – Пойдем сегодня в «Датч».

Это была довольно паршивая забегаловка, зато туда не набивалось столько народу, сколько в «Ред». И там вокруг нас не вертелось бы такое множество похотливых девиц.

– Это же байкерский бар, – нахмурилась Эбби.

– Хорошо, тогда идем в клуб. Я отвезу тебя на ужин, а потом наведаемся в «Ред Дор». Угощаю.

– И как ужин с клубом решат нашу проблему? Когда нас увидят вместе, все только ухудшится.

Я уселся на мотоцикл, привязав сумку позади сиденья. Эбби не стала ее у меня вырывать, и это уже обнадеживало.

– Да ты только подумай. Я, пьяный, в компании полуобнаженных девиц? Все очень быстро догадаются, что мы не пара.

– А мне что делать? Подцепить в баре парня, чтобы довести дело до победного конца?

Представив себе, как она уезжает из клуба не со мной, я нахмурился и так стиснул зубы, как будто хлебнул лимонного сока.

– Я этого не говорил. Не надо перегибать палку.

Эбби закатила глаза и, взобравшись на сиденье, обхватила меня за талию.

– С нами домой вернется первая встречная девушка из бара? Вот так ты со всем разберешься?

– Голубка, ты ведь не ревнуешь?

– Ревную к кому? К имбецилке с венерическим заболеванием, которую ты вышвырнешь утром?

Я усмехнулся и завел двигатель. Если бы она только знала, насколько для меня невыносимо то, о чем она говорит! Когда она была рядом, я больше никого не видел. Все мое внимание, все мои силы уходило на то, чтобы удерживать себя в шаге от нее.

Мы рассказали Шепли и Америке о наших планах, и девчонки стали собираться. Я первым запрыгнул в душ, хотя потом понял, что лучше бы я был последним: все равно у Мер и голубки сборы заняли гораздо больше времени, чем у нас с Шепом.

Мы все втроем целую вечность ждали, когда Эбби выйдет из ванной, а когда она наконец-то появилась, я чуть не упал. Короткое черное платье открывало длинные-предлинные ноги, но грудь не подчеркивало: она только слегка угадывалась в определенных ракурсах. Длинные вьющиеся волосы не рассыпались по плечам, а были собраны сбоку. Черная ткань оттеняла загар, который теперь показался мне ярче. Здоровая гладкая кожа слегка лоснилась.

– Отличные ножки, – сказал я.

Эбби улыбнулась:

– Я говорила тебе про волшебную бритву.

Черт! Какая же она офигенная!

– Думаю, дело не в бритве.

Я взял ее за руку, и мы вышли из дома. Она не попыталась высвободиться, поэтому я так и держал ее, пока мы не сели в машину Шепли, и даже тогда отпускать не хотелось. Потом мы подъехали к японскому ресторану, и наши пальцы снова переплелись.

Я заказал нам всем по рюмке саке, потом еще по одной. Но официантка почему-то заинтересовалась нашими документами, только когда я попросил пива. Я знал, что у Америки удостоверение фальшивое, и думал, нам всем придется свалить. Тут Эбби неожиданно спасла положение, гордо вытащив свою карточку. Официантка взглянула на протянутый ей кусок

ламинированной бумаги и тут же ушла, а я заграбастал его и принялся рассматривать. В углу была фотография Эбби, и все выглядело, как настоящее. Я никогда раньше не видел, какие документы выдают в Канзасе, но, по-моему, подделка была очень убедительная. На карточке значилось: «Джессика Джеймс», – и от этого я почему-то завелся. Причем неслабо.

Эбби щелкнула по удостоверению, и оно выскочило у меня из рук. Она поймала его и быстро спрятала в кошелек. Потом улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ, опершись локтями о стол.

– Джессика Джеймс?

Передразнивая меня, Эбби тоже оперлась локтями о стол и в упор посмотрела мне в лицо. То, как уверенно она держалась, делало ее еще сексуальнее.

– Да. А что?

– Ничего. Интересный выбор.

– Ну, знаешь ли, калифорнийские роллы, которые мы сейчас едим, тоже выбор так себе. Шепли расхохотался, но резко замолчал, увидев, как Америка лихо опрокинула бутылку пива.

– Не гони, детка. Саке накрывает не сразу.

Мер вытерла рот и усмехнулась:

– Спокойно, Шеп. Мне не впервой.

Чем больше мы пили, тем больше шумели. Но замечаний нам никто не делал. Наверное, потому, что было поздно и ресторан уже почти опустел. Только в дальнем конце зала заседала еще какая-то компания немногим трезвее нас. А мы набрались как следует. Все, кроме Шепли. Он слишком любил свой «Додж Чарджер», чтобы много пить за рулем, а еще больше – Америку. Когда она ехала с ним, он не только следил за количеством поглощаемого спиртного, но даже соблюдал все правила и включал поворотники.

А голубка-то наклюкалась!

Официантка принесла счет, я расплатился и растолкал Эбби. Она вскочила с диванчика и игриво ткнула меня локотком, а потом небрежно закинула руку мне на шею, и я вывел ее на улицу.

Америка села на переднее сиденье и тут же принялась облизывать ухо своего возлюбленного. Эбби посмотрела на меня и закатила глаза, намекая на то, что ей не очень хотелось наблюдать интимную сцену с участием собственной подруги и моего родственника. Но, не считая этого, голубка была, по-моему, всем довольна.

Шепли подъехал к клубу и принялся кружить по парковке.

– Мы сегодня вообще куда-нибудь встанем или нет? – заворчала Америка.

– Эй, мне нужно место пошире. Не хочу, чтобы какой-нибудь пьяный придурок поцарапал мою тачку.

Может, и так. А может, Шепу просто нравилось, как Мер слюнявит ему ухо. Фу! Гадость!

Наконец мы припарковались в самом конце стоянки, и я помог Эбби вылезти. Она одернула платье и слегка повела бедрами, а потом взяла меня за руку.

– Хотел спросить насчет твоих документов, – сказал я. – Они безупречные. Ты же их не здесь получала?

Если бы документы были состряпаны тут, в городе, я бы сразу понял: у меня у самого этих фантиков было до фига.

– Они у меня уже какое-то время. Так было нужно... – на кой черт ей было нужно поддельное удостоверение личности? – в Уичито.

Гравий шуршал у нас под ногами. Эбби стиснула мою руку, чтобы не оступиться и не сломать каблук. Америка споткнулась, и от неожиданности я выпустил голубкины пальцы. Шепли успел поймать свою подвыпившую даму, прежде чем она упала.

– Здорово, что у тебя есть связи, – хихикнула Мер.

– О боже, женщина! – сказал Шепли, поддерживая Америку под руки. – Думаю, с тебя уже хватит на сегодня.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, что она имела в виду.

– Мерик, о чем ты? Какие связи?

– У Эбби есть старые приятели, которые...

Голубка встряла, не дав подруге договорить:

– Это фальшивые документы, Трэв. Чтобы сделать их, нужно знать, к кому обратиться.

Что-то тут явно было не так. Я взглянул на Америку, но она спрятала от меня глаза. И все-таки настаивать на продолжении этого неприятного разговора сейчас не стоило. Ведь Эбби секунду назад назвала меня Трэв. Я уже начинал к этому привыкать.

– Понятно, – сказал я, снова протягивая ей руку.

Она подала мне свою и жуликовато улыбнулась. Решила, что перехитрила меня. Но я к этому еще вернусь.

– Мне нужно выпить! – сказала Эбби, как только мы доползли до большой красной двери³ заведения.

– Рюмку! – обрадовалась Америка.

Шепли вздохнул:

– Ага, этого тебе только и не хватало. Еще одной рюмки!

Когда Эбби вошла, взгляды всех присутствующих тут же устремились на нее. Даже парни, которые были с девушками, бессовестно на нее глазели, вертя головами и откидываясь на стульях. «Да, похоже, ночь предстоит веселая!» – подумал я, сжимая голубкину руку.

Мы подошли к барной стойке, которая была ближе всех к танцполу. В клубах дыма я увидел Меган: она, как обычно, терлась возле бильярдных столов. Охотилась. Прежде чем я ее узнал, она уже уставилась на меня своими большими голубыми глазами. Но долго пожирать меня взглядом ей не пришлось. Я все еще держал за руку Эбби, и, заметив ее, Меган изменилась в лице. Я кивнул, она осклабилась.

Место, где я обычно сидел, было свободно, но все остальные стулья уже заняли. Увидев, что я иду и тащу на буксире Эбби, Кэми хохотнула. Как только она предупредила окружающих о нашем прибытии, они во избежание насильственного выселения молча повставали и разошлись. Что ни говори, а иметь репутацию козла-психопата иногда не так уж и плохо.

³ Название клуба «Ред Дор» (англ. Red Door) буквально означает «красная дверь».

Глава VII

Буря

Не успели мы подойти к барной стойке, Америка утащила Эбби на танцпол. Голубкины розовые босоножки на высоком каблуке сверкали в темноте. Она смеялась над диковатыми па своей подруги, а я смотрел и улыбался. Мой взгляд скользнул по черному платью и остановился на бедрах. «Неплохо двигается!» – подумал я, и мне пришлось отвести глаза, чтобы не заводиться.

«Ред Дор» был набит до отказа. В основном завсегдатаями, хотя попадались и новые лица. Те, кто, не страдая избытком фантазии, заявлялся сюда каждый уикенд, пилились на новичков, как на свежее мясо. Особенный аппетит вызывали девчонки вроде Эбби с Америкой.

Я взял себе пива, выхлестал полбутылки и снова переключился на танцпол. Я бы рад не смотреть, но взгляд сам туда тянулся. Подозреваю, что выражение лица у меня было немногим интеллектуальнее, чем у остальных придурков, которые пилились на танцующих девиц.

Песня закончилась, и Эбби притащила Америку обратно. Они весело хохотали. Обе запыхались и немного вспотели – ровно настолько, чтобы казаться еще сексуальнее.

– Мерик, так будет всю ночь. Забей на них, – сказал Шепли.

Америка скорчила брезгливую рожицу, уставившись на что-то, что происходило у меня за спиной. Я мог только догадываться, кого она могла там увидеть. Вряд ли это была Меган. Та не стала бы дышать мне в затылок, а приступила бы сразу к делу.

– Как будто Вегас извергнул стаю стервятниц? – фыркнула Мер.

Я глянул через плечо и увидел трех «сестричек» Лекси из женского студенческого общества. Они выстроились плечом к плечу, как солдаты, а еще одна их подруга стояла рядом со мной и широко улыбалась. Девицы были обрадовались, что я на них посмотрел, но я быстро отвернулся и залпом допил содержимое своей бутылки. Женщины, которые вели себя со мной таким образом, почему-то очень раздражали Америку. Но вообще-то я бы не стал с ней спорить: они действительно смахивали на стервятниц.

Я зажег сигарету и заказал еще два пива. Брук, блондинка, стоявшая рядом, улыбнулась и прикусила губку. Я насторожился, пытаюсь понять, в чем дело: может, сейчас разревется, а может, повиснет у меня на шее. Кэми открыла бутылки и поставила их передо мной. Только тогда я сообразил, что означала эта глупая гримаса: блондинка схватила одну из бутылок и чуть было не отпила из нее, но я вовремя вмешался и передал пиво Эбби.

– Э... это не тебе.

Брук отошла к своим подругам, а у голубки вид был, как мне показалось, вполне довольный. Она отхлебывала из бутылки здоровенными глотками.

– Можно подумать, я стану покупать пиво какой-нибудь цыпочке из бара! – сказал я, думая рассмешить Эбби, но она замерла с кислой миной. Поэтому я слегка улыбнулся и добавил: – Ты – другое дело.

Мы чокнулись бутылками. Голубка явно сердилась.

– За единственную девушку, с которой не хочет спать парень без всяких стандартов! – провозгласила она и сделала большой глоток.

– Ты серьезно? – Эбби не ответила, и тогда я наклонился к ней. – Во-первых, стандарты у меня все же есть. Я никогда не спал с уродиной. Никогда. Во-вторых, я хотел переспать с тобой. Придумал пятьдесят разных способов завалить тебя на мой диван, но не сделал этого, потому что теперь отношусь к тебе иначе. Дело не в том, что меня к тебе не тянет. Просто ты намного лучше этого.

Она расплылась в самодовольной улыбке:

– Ты считаешь, я для тебя слишком хороша?

Черт! Кажется, она все поняла не так.

– Я не знаю ни одного парня, достойного тебя.

Самодовольное выражение исчезло. Эбби была тронута.

– Спасибо, Трэв, – сказала она, ставя пустую бутылку на стойку.

Да уж, глушила она будь здоров! Про другую девчонку я бы сказал, что она в хлам напилась. А Эбби... Я не знаю... Что бы голубка ни делала, она всегда оставалась такой уверенной в себе! И ужасно сексуальной.

Я встал, взял ее за руку и потащил на танцпол:

– Идем.

Она поплелась за мной:

– Я слишком много выпила! Сейчас упаду!

Я взял ее за бедра и вплотную притянул к себе:

– Заткнись и просто танцуй.

Эбби больше не улыбалась и не хихикала. Ее тело, прижатое к моему, двигалось под музыку. Я ничего не мог с собой поделать: чем ближе мы были, тем сильнее мне хотелось еще большего сближения. Ее волосы лежали у меня на лице, и, хоть выпил я уже вполне достаточно, чтобы упасть и вырубиться, мои ощущения не притупились. Я остро чувствовал, как двигаются в такт музыке ее бедра и ягодицы, как она прикладывается ко мне на грудь, как дотрагивается головой до моего плеча. Хотелось затащить ее в какой-нибудь темный угол и там поцеловать.

Эбби лукаво улыбнулась и провела руками по моим плечам, по груди, по животу. Я чуть с ума не сошел. Она повернулась ко мне спиной, и сердце у меня еще сильнее заколотилось о ребра: она была совсем близко. Я прижал ее к себе, обхватив за талию, и уткнулся лицом ей в волосы. Я обливался потом, который смешивался с ее духами. Собственные мысли больше не слушались меня.

Песня заканчивалась, но Эбби не собиралась отстраняться. Она откинулась назад, положив голову на мое плечо. Тут сила воли мне совсем отказала, и я дотронулся губами до нежной кожи за голубкиным ухом. Но и этого оказалось мало: я приоткрыл рот и слизнул солоноватую капельку, сбегавшую по ее шее.

Тело Эбби напряглось. Она отпрянула.

– Голубка, что такое? – спросил я, фальшиво усмехнувшись.

Мне показалось, что она хочет меня ударить. Я-то думал, нам хорошо, а она разозлилась! Я еще не видел ее такой взбешенной!

Вместо того чтобы излить свою ярость на меня, Эбби стала протискиваться сквозь толпу по направлению к барной стойке. Я пошел за ней, чтобы выяснить, чем именно я так провинился.

Я сел на пустой стул рядом с голубкой. Она заказала себе еще пива. Я сделал то же самое. Эбби наполовину опустошила свою бутылку и с громким стуком опустила ее на стойку.

– Ты думаешь, это изменит всеобщее мнение о нас?

Я коротко рассмеялся. Сначала она прижимается ко мне так, что я еле сдерживаюсь, а потом вдруг начинает беспокоиться о приличиях?

– Да мне плевать, что они подумают. – Эбби метнула в мою сторону сердитый взгляд и отвернулась. – Голубка, – сказал я, дотрагиваясь до ее руки.

Она отстранилась:

– Не надо! Я никогда не напьюсь настолько, чтобы позволить тебе завалить меня на тот диван.

Тут я вскипел: я не давал ей повода так со мной разговаривать. Никогда. Она сама меня завела, а я всего-то раз или два поцеловал ее в шею. И теперь за это получаю!

Я открыл было рот, но тут возле меня нарисовалась Меган:

– Кого я вижу, Трэвис Мэддокс!

– Привет, Меган.

Эбби явно не ожидала, что наш разговор будет прерван таким образом, и теперь уставилась на мою старую знакомую, которая, надо отдать ей должное, умела выйти на сцену в наиболее выгодный для себя момент.

– Может, представишь меня своей девушке? – с улыбкой спросила Меган.

Вот стерва! Она же прекрасно знала, что Эбби мне никакая не девушка. И воспользовалась своим золотым правилом: «Если мужчина, на которого ты положила глаз, пришел в клуб с другой женщиной, заставь его сказать, что они просто друзья. Это расшатает их отношения».

Я понимал, к чему все идет. Черт! Раз уж Эбби считает меня грязным бабником с криминальными наклонностями, придется соответствовать. Я подтолкнул свою пустую бутылку, и она, доехав по гладкой поверхности до края барной стойки, со звоном упала в переполненную урну.

– Она не моя девушка.

Намеренно не глядя на Эбби, я взял Меган за руку и повел на паркет, а она только этого и ждала. С ней всегда было прикольно танцевать: стыдливостью она не отличалась и позволяла вытворять с собой что угодно (сначала на танцполе, а потом и за его пределами). Обычно мы устраивали целое шоу. Другие танцующие останавливались и смотрели на нас.

Но сегодня все это было мне как-то не в кайф: темные волосы Меган несколько раз хлестнули меня по лицу, но я ничего не почувствовал. Я приподнял ее, она обхватила ногами мою талию и прогнулась назад, раскинув руки. Пружина верхом на мне на глазах у всего клуба, моя партнерша радостно улыбалась. Как только я поставил ее на ноги, она повернулась ко мне спиной и резко согнулась, проведя пальцами по своим лодыжкам.

С моего лица лил пот. Меган тоже была вся мокрая, и, когда я дотрагивался до ее кожи, ладони скользили. Одежда на нас обоих насквозь пропотела. Меган приоткрыла рот и подалась ко мне, чтобы я ее поцеловал, но я отстранился и взглянул в сторону барной стойки.

И тут я заметил его. Итэна Коутса. Эбби льнула к нему с игривой пьяной улыбочкой. Эту улыбку я наловчился моментально вычислять даже в многотысячной толпе. Она означала «ответи меня к себе домой».

Бросив Меган на танцполе, я растолкал зрителей, собравшихся вокруг нас, и подошел к бару. В тот самый момент, когда я тронул Эбби за плечо, Итэн положил руку ей на колено. Я прекрасно помнил, за что его чуть было не посадили в прошлом году. Поэтому встал между ними, к Итэну спиной, и сказал, изо всех сил сжимая кулаки:

– Голубка, ты готова?

Эбби отпихнула меня в сторону и улыбнулась: новый знакомый снова был в поле ее зрения.

– Я разговариваю, – проворчала она, растопыривая пальцы и с нарочитой брезгливостью вытирая руку о платье (она только что дотронулась до моей мокрой рубашки и теперь демонстрировала, как ей это противно).

– Ты хоть знаешь этого парня?

Эбби расплылась в еще более широкой улыбке:

– Это Итэн.

Итэн протянул руку:

– Рад познакомиться.

Я не мог спокойно смотреть на то, как голубка пожирает глазами эту мразь. Не обращая внимания на поданную мне руку, я ждал, когда Эбби вспомнит, что я здесь. Она небрежным кивком указала на меня:

– Итэн, это Трэвис.

Мое имя она произнесла с гораздо меньшим энтузиазмом, чем имя ублюдка, которого видела в первый раз. Это взбесило меня еще больше. Я посмотрел на Итэна, потом на его руку и произнес – так низко и так угрожающе, как только мог:

– Трэвис Мэддокс.

Глаза Итэна расширились, и он неуклюже спрятал свою пятерню.

– Трэвис *Мэддокс*? Трэвис Мэддокс из Истерна?

Я опустил руку на барную стойку позади Эбби:

– Да, и что?

– Я видел, приятель, как ты дрался с Шоном Смитом в прошлом году. Думал, что стану свидетелем чьей-то смерти.

Я сощурился и сжал зубы:

– Хочешь снова это увидеть?

Итэн вымученно хохотнул, глаза забегали между мной и голубкой. Поняв, что я не шучу, он неловко улыбнулся Эбби и исчез.

– Теперь готова? – выпалил я.

– Какой же ты козел.

– Это еще слабо сказано.

Я протянул руку. Эбби подала мне свою, и я помог ей слезть с высокого стула. Вообще-то у нее не было причины так уж на меня злиться.

Я громко свистнул Шепли, и тот, увидев мою физиономию, сразу понял, что пора домой. Пробираясь сквозь толпу, я для разрядки толкнул несколько ни в чем не повинных тусовщиков. Америка с Шепом протиснулись к нам, и дальше мы с Эбби шли за ними.

Как только мы оказались на улице, я снова попытался взять голубку за руку, но она ее отдернула. Тогда я развернулся и рявкнул прямо ей в лицо:

– Мне стоит поцеловать тебя и покончить уже с этим! Ты ведешь себя нелепо! Я поцеловал тебя в шею, и что теперь?

Эбби отстранилась, но пространство между нами все равно показалось ей недостаточным, и тогда она оттолкнула меня. Я был злой как черт, но она не испытывала передо мной ни малейшего страха. Это заводило.

– Трэвис, я тебе не подружка для секса.

Я покачал головой, не зная, что и сказать. По-моему, я сделал все, чтобы она не думала, будто я отношусь к ней как к шлюхе. С того момента, когда я ее в первый раз увидел, она была для меня особенной, и я всеми мыслимыми и немыслимыми способами давал ей это понять. Как еще мне выделить ее среди других? Что еще сделать, чтобы наконец-то до нее достучаться?

– Я никогда не говорил про тебя такого. Мы вместе двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, ты спишь в моей кровати, но в остальное время ведешь себя так, словно не хочешь, чтобы нас видели вместе?

– Я пришла сюда с тобой!

– Голубка, я всегда относился к тебе лишь с уважением.

– Нет, ты относишься ко мне как к собственности. Ты не имел никакого права отпугивать Итэна!

– Ты хоть знаешь, кто такой Итэн? – Эбби покачала головой. Я нагнулся к ней. – А вот я знаю. В прошлом году его арестовали за сексуальное насилие, но обвинения вскоре сняли.

Она скрестила руки:

– О, так у вас есть кое-что общее?

Перед глазами у меня все побагровело. Какую-то долю секунды я был готов взорваться, но глубокий вдох помог мне подавить ярость.

– Не расслышал: ты назвала меня насильником?

Эбби задумалась. Пока она молчала, я окончательно остыл. Только с ней я был таким отходчивым. Окажись на ее месте другой человек, я бы обязательно дал волю кулакам. Женщину я бы не ударил, зато выместил бы злобу на грузовике, припаркованном рядом с нами.

– Нет, я просто ужасно зла на тебя, – сказала Эбби и поджала губы.

– Я выпил, понятно? Твоя кожа находилась слишком близко. Ты красивая и так восхитительно пахнешь, когда потеешь. Я поцеловал тебя! Извини! Можешь расслабиться!

Эбби снова задумалась. Уголки ее рта приподнялись.

– Значит, ты считаешь меня красивой?

Я нахмурился. Дурацкий вопрос!

– Ты сногсшибательна и знаешь об этом. Чего ты улыбаешься?

Она попыталась сделать серьезное лицо, но от этого улыбка только расплылась еще шире.

– Да так. Идем.

Я усмехнулся и тряхнул головой:

– Что?.. Да ты?.. Ты просто заноза в заднице! – Услышав такой комплимент, Эбби снова улыбнулась во весь рот. Видно, ей казалось забавным, что за каких-нибудь пять минут я превратился из психа в клоуна. Справиться с приступом улыбочивости она не смогла, зато меня заразила. Я обнял голубку за шею и почувствовал, что опять ужасно хочу ее поцеловать. – Ты сводишь меня с ума. Знаешь об этом?

Домой мы ехали молча. Едва переступив порог, Эбби рванула в ванную и включила душ. Я видел все, как в тумане, поэтому не стал рыться в голубкиных вещах, а просто схватил свои трусы и футболку и понес ей. Постучал. Она не ответила. Тогда я вошел, положил одежду возле раковины и вышел. Слава богу, она меня не заметила, а то я бы не сообразил, что сказать.

Мое белье скрыло под собой добрую половину маленького тела Эбби. Войдя в спальню, она повалилась на кровать – все с той же улыбкой на лице. Несколько секунд я смотрел на нее. Она стала смотреть на меня, видимо, пытаясь понять, о чем я сейчас думаю. А я и сам не знал. До тех пор, пока не почувствовал ее взгляд на своих губах.

– Спокойной ночи, голубка, – прошептал я, отворачиваясь и мысленно ругая себя на чем свет стоит.

Эбби неслабо набралась, но я не должен был этим воспользоваться. Тем более после того как она простила мне показательное выступление с Меган.

Голубка несколько минут ворочалась, а потом собралась с духом и, приподнявшись на локте, подала голос:

– Трэв?

– Да? – откликнулся я, не шевелясь.

Я боялся, что, как только я взгляну ей в глаза, весь мой здравый смысл вылетит в форточку.

– Я знаю, что пьяная и мы совсем недавно ужасно поскандалили, но...

– Секса не будет, даже не проси.

– Что? Да нет же!

Я рассмеялся и, повернувшись, посмотрел на ее милое испуганное лицо:

– Что тогда, голубка?

– Это...

Она положила голову мне на грудь и, проведя рукой по моему животу, крепко меня обняла. Ну и номер! Не ожидал! Я поднял руку и застыл, не зная, какого черта теперь делать.

– Да уж, ты и впрямь пьяна.

– Знаю, – пробормотала она, нисколько не смутившись.

Наверное, завтра она меня убьет, ну да ладно: будь что будет! Я положил одну руку ей на спину, а другую на мокрые волосы и поцеловал ее в лоб.

– Голубка, ты самая противоречивая женщина, которую я когда-либо встречал.

– Это меньшее, что ты можешь сделать. Ты и так виноват передо мной. Отпугнул единственного парня, подошедшего ко мне за весь вечер.

– Ты про насильника Итэна? Да, конечно, я в неоплатном долгу перед тобой.

– Забудь.

Эбби попыталась отстраниться от меня, но я задержал ее руку у себя на животе.

– Я серьезно. Тебе стоит быть осторожнее. Не окажись меня там... даже не буду об этом думать. А ты еще хочешь, чтобы я извинился?

– Нет, не хочу. Не в этом дело.

– Тогда в чем? – спросил я.

Я никогда никого ни о чем не умолял, но теперь вот мысленно взмолился: «Скажи, что хочешь меня! Что тебе на меня не наплевать. Или что-нибудь такое...» Она была так близко! Еще дюйм, и я мог бы дотронуться до нее губами. До чего же мне было трудно удержаться и не преодолеть этот несчастный дюйм!

Эбби нахмурилась:

– Трэвис, я пьяна. Это мое единственное оправдание.

– Значит, хочешь, чтобы я обнимал тебя, пока ты не уснешь? – Она не отвечала. Тогда я заглянул ей прямо в глаза и сказал: – Мне следовало бы сказать нет. Но ведь я буду ненавидеть себя, если откажу, а ты так больше и не попросишь. – Голубка радостно заерзала и снова пристроила голову ко мне на плечо. Я крепко обхватил ее обеими руками, из последних сил удерживая себя в узде. – Голубка, тебе не нужно никакое оправдание. Все, что от тебя требуется, – это попросить.

Глава VIII

Признание

Эбби заснула быстрее меня. Ее дыхание выровнялось, мышцы расслабились, носик еле слышно посапывал. Как приятно было держать в руках ее теплое тело! Я боялся, что привыкну к этому, и все равно не мог пошевелиться.

Зная Эбби, я догадывался: завтра она проснется, вспомнит свои ночные чудачества и раскричится из-за того, что я позволил ей себя обнять. Или еще хуже. Поклянется никогда больше не прикасаться ко мне.

Я решил пока не думать о завтрашнем дне. Надеяться на чудо было бы глупо, а открыто признаться себе в том, что эти наши объятия лишь результат алкогольного опьянения, не хватало сил. Раньше я всегда смотрел правде в глаза, а теперь вот не хотел. Видимо, не такой уж я крутой. По крайней мере, когда дело касается голубки.

Я стал дышать медленнее, руки и ноги отяжелели, но я боролся с усталостью, которая постепенно меня усыпляла. Мне так нравилось обнимать Эбби, что я старался не закрывать глаза: пытался отвоевать у сна хоть одну лишнюю минутку блаженства.

Голубка пошевелилась. Я замер. Она скользнула пальцами по моей коже, потом прижалась ко мне крепче и снова расслабилась. Я поцеловал волосы Эбби и прислонился щекой к ее лбу. Потом вздохнул и всего на секунду прикрыл глаза.

Открыл я их уже утром. Так и знал, что нельзя было моргать. Голубка елозила, пытаясь высвободиться: моя рука лежала у нее на спине, а ноги – поверх ее ног.

– Голубка, прекрати. Я сплю... – пробормотал я, прижимаясь к ней.

Но она постепенно выбралась из-под меня и, вздохнув, села на краю постели.

– Голубка, что-то не так?

– Хочу пить, тебе принести?

Я покачал головой и закрыл глаза. Или она делает вид, что ничего не было, или сердится. И то, и другое плохо.

Эбби вышла из комнаты, а я продолжал лежать. Заставить себя подняться оказалось не так-то легко: голова после вчерашнего гудела. Как будто сквозь вату, слышался низкий голос Шепли. Тогда я наконец-то вылез из-под одеяла и, шлепая босыми ногами по паркету, направился в кухню.

На Эбби по-прежнему было мое белье. Она поливала овсяные хлопья шоколадным сиропом.

– Голубка, это извращение! – проворчал я, стараясь проморгать пелену, которая стояла у меня перед глазами.

– И тебя с добрым утром.

– Слышал, скоро у тебя день рождения. Финишная черта твоей юности?

Эбби поморщилась. Видимо, не ожидала такого вопроса.

– Ага... я не слишком люблю отмечать день рождения. Наверное, Мерик поведет меня на ужин или что-нибудь в этом духе. – Голубка улыбнулась и добавила: – Если хочешь, приходи.

Я пожал плечами, как будто эта улыбка меня не проняла. Ура! Эбби хочет, чтобы я был на ее празднике!

– Хорошо. В следующее воскресенье?

– Ага. Когда твой день рождения?

– В апреле. Первого числа, – сказал я, заливая хлопья молоком.

– Да ладно тебе!

Я отправил ложку в рот, посмеиваясь про себя над голубкиным удивлением.

– Я серьезно!

– Твой день рождения в День дурака?

Я рассмеялся: она сомневалась, верить мне или нет, и ее озадаченное личико ужасно меня веселило.

– Да! Ты уже опаздываешь. Пойду одеваться.

– Я поеду с Мериной.

То, что Эбби отказалась от моей помощи, кольнуло меня чувствительнее, чем можно было ожидать. Раньше она всегда ездила со мной, а теперь с Америкой? Вдруг это из-за прошлой ночи? Похоже, голубка опять пыталась от меня отдалиться, что очень разочаровывало.

– Ну и ладно, – сказал я, отворачиваясь, чтобы она не увидела мои глаза.

Девчонки быстро схватили рюкзаки, и Америка так газанула со стоянки, будто они ограбили банк.

Шепли вышел из своей комнаты, на ходу надевая футболку.

– Уехали? – хмуро спросил он.

– Да, – сказал я рассеянно.

Я ополоснул свою миску из-под хлопьев и выбросил в раковину остатки голубкиных хлопьев: она к ним почти не притронулась.

– Какого черта? Мер со мной даже не попрощалась!

– Ты же знал, что у нее занятие. Подбери сопли.

– Ты это мне? – Шепли ткнул себя пальцем в грудь. – Молчал бы лучше! Жаль, ты вчера не видел себя со стороны.

– Заткнись.

– Сам заткнись. – Он сел на диван и стал надевать кеды. – Ты спросил Эбби про днюху?

– Да, но она только сказала, что не любит праздновать дни рождения. Больше я из нее ничего не вытянул.

– Ну и что будем делать?

– Устроим вечеринку. – Шепли кивнул и уставился на меня: ему хотелось узнать подробности. – Пусть будет сюрприз. Пригласим друзей, а Америка куда-нибудь уведет голубку, пока мы готовимся.

Шеп достал свою белую бейсболку и нахлобучил ее так низко, что козырек закрыл ему глаза.

– Это запросто. Еще что-нибудь придумал?

– Не знаю... Может, подарить ей щенка? Как тебе кажется?

Он усмехнулся:

– Вообще-то это не мой день рождения, старик!

Я обошел стойку для завтрака и оперся о высокий стул.

– Знаю, но она живет в общежитии, и ей нельзя держать щенка там...

– То есть ты предлагаешь держать его здесь? Ты в своем уме? Что мы с ним будем делать?

– Мог бы получиться классный подарок. Я бы нашел через интернет керн-терьера.

– Кого-кого?

– Эбби из Канзаса. И я хочу подарить ей собаку, как у Дороти из «Страны Оз».

– «Страны Оз»? – с каменной физиономией переспросил Шеп.

– Ну да. В детстве мне нравился Страшила. Что такого?

– Щенок будет везде гадить, Трэвис. Будет гавкать, скулить и... фиг знает что еще вытворять.

– Почти как Америка. Она разве только не гадит. – Шепли эта шутка не развеселила. – Обещаю сам выгуливать собаку и после этого мыть. Жить будет у меня. Ты ее даже не заметишь.

– Может, ты ей и пасть заткнешь, чтобы не лаяла?

– Посмотрим. Согласись, от такого подарка Эбби растает!

– Так вот в чем все дело! Хочешь, чтобы Эбби растаяла?

Я нахмурился:

– Перестань.

Шепли расплылся в улыбке:

– Ладно, можешь покупать свою псину... – Я просиял. Победа! – Если признаешь, что влюбился в Эбби.

Я сразу помрачнел: это была засада!

– Да ну тебя, чувак!

– Признавайся! – сказал Шеп, сложив руки на животе.

Вот засранец! Ведь заставит меня это сказать! Я смотрел куда угодно, лишь бы не видеть его нахальную ухмылку. Несколько секунд я с собой боролся, но очень уж хороша была моя идея со щенком: Эбби обалдеет (надеюсь, на этот раз в хорошем смысле слова) и, чтобы играть с собакой, будет каждый день к нам приходить.

– Она мне нравится, – процедил я сквозь зубы.

Шепли приложил ладонь к уху:

– Что? Не расслышал?

– Ты жопа! Теперь расслышал?

– Признавайся давай!

– Я же сказал: она мне нравится.

– Так не пойдет.

– Хрен с тобой: я влюбился. Мне на нее не наплевать. Еще как не наплевать. Жить без нее не могу. Доволен?

– Ладно, хватит с тебя пока что. – Он подобрал валявшийся на полу рюкзак и перекинул лямку через плечо. Потом взял телефон и ключи. – Увидимся в столовой, голубчик.

– Иди ты... – пробурчал я.

Шепли сам был вечно влюбленным идиотом и теперь, когда я оказался в его шкуре, собиравшись на мне отыгаться.

Сборы отняли у меня каких-нибудь пару минут, но из-за всей этой болтовни я сильно припозднился. Занятие было только одно, по химии. Решив, что в случае чего кто-нибудь одолжит мне карандаш, я выскочил из квартиры с пустыми руками. Распихал по карманам ключи, кошелек и телефон, взял солнечные очки, надел кожаную куртку, нахлобучил бейсболку козырьком назад, сунул ноги в ботинки и, захлопнув дверь, сбежал по ступенькам.

Ехать на мотоцикле без Эбби было как-то не так. Черт, она разрушила все, к чему я привык!

Оставив «Харлей» на стоянке, я быстро зашагал к корпусу и влетел в аудиторию буквально за секунду до звонка. Когда я уселся на свое место, доктор Веббер посмотрела на меня и закатила глаза: не оценила мою точность. А еще ей, видать, не понравилось, что я налегке. Я подмигнул. Она чуть заметно улыбнулась, потом покачала головой и переключилась на свои бумажки. Карандаш мне не понадобился. Как только нас выпустили, я рванул в столовую.

Шепли стоял у входа, посреди газона, и ждал девчонок. Я схватил его кепку и запустил ее на несколько футов в сторону, как летающую тарелку.

– Молодец, придурок, – буркнул он, подбирая бейсболку.

В этот момент у меня за спиной раздался хриплый низкий голос:

– Эй, Бешеный Пес! – Я сразу понял, что это Адам. Он подошел к нам с Шепом, весь такой деловой. – Я тут пытаюсь организовать для тебя бой. Будь готов приехать по звонку.

– А мы всегда готовы, – сказал Шепли.

Он был кем-то вроде моего агента: выяснял, куда нам ехать, и следил за тем, чтобы я был в назначенном месте в назначенное время.

Адам кивнул и пошел дальше по своим делам – уж не знаю куда. На занятиях мы с ним никогда не пересекались. Я даже не был уверен, что он действительно учится в Истерне. Но пока он мне платил, мне было плевать, кто он и чем занимается.

Проводив Адама взглядом, Шепли прокашлялся.

– Ты уже слышал?

– О чем?

– В Моргане дали горячую воду.

– Ну и что?

– Америка и Эбби сегодня, наверное, уедут. Надо будет помочь им перевезти их барахло обратно в общагу.

Я сразу скис. Мысль о том, что голубка возвращается в Морган, была немногим приятней, чем удар кулаком в лицо. После сегодняшней ночи Эбби наверняка будет рада съехать. Может, даже и разговаривать со мной больше не захочет. В моем мозгу пронесся миллион разных вариантов развития событий, но я не смог придумать ничего, что помогло бы мне оставить голубку у себя.

– Ты в порядке, старик? – спросил Шепли.

Пришли девчонки. Они над чем-то хихикали. Я попытался улыбнуться, но Эбби мне не ответила: она была слишком поглощена тем, что захлеб говорила ей ее подруга.

– Привет, малыш, – сказала Америка, целуя Шепли в губы.

– Что тебя рассмешило? – спросил он.

– Да так, один парень из группы почти час паялся на Эбби. Просто прелесть!

– Если только на Эбби... – подмигнул мне Шеп.

– И кто это? – ляпнул я, не подумав.

Эбби переступила с ноги на ногу и поправила на плече рюкзак. Он был так набит книжками, что даже молния не до конца закрывалась, и весил, надо полагать, немало. Я взял его.

– Мерик все выдумывает, – сказала голубка, закатывая глаза.

– Эбби! Ах ты, наглая врунья! Это был Паркер Хейс, и нужно ослепнуть, чтобы этого не заметить. Он чуть ли не обтекал слюнями.

Моя физиономия перекосилась:

– Паркер Хейс?

Шепли потянул Америку за руку:

– Мы на обед. Вы сегодня присоединитесь к превосходной кухне столовой?

Мер снова его поцеловала, и они направились на обед. Эбби следом, я за ней. Мы шли молча. Голубка вот-вот узнает, что в Моргане починили водонагреватель. Она вернется туда, и Паркер выманит ее на свидание.

Сомневаться не приходилось: этот слащавый хлюпик умудрился чем-то привлечь Эбби. У него были офигенно богатые родители, он учился на медика и с виду казался нормальным парнем. Ему удастся заполучить ее, и она проведет с ним всю оставшуюся жизнь. Я попытался представить себе это как можно яснее, чтобы быстрее успокоиться. Прокрутить неприятную мысль до конца, потом запихнуть в коробку и убрать подальше – я всегда так делал, когда нужно было справиться со своим темпераментом. Обычно помогало.

Эбби расположилась со своим подносом между Америкой и Финчем. Садясь на свободное место через несколько стульев от них, я подумал, что так даже лучше. Не придется болтать, как будто ничего не произошло. Я чувствовал себя паршиво и не знал, как мне теперь быть: слишком много времени потеряно на дурацкие игры. Эбби даже не успела меня узнать. Черт, а если бы и успела, тогда тем более выбрала бы кого-нибудь вроде Паркера.

– Трэв, все в порядке? – спросила она.

– У меня? Да, а что? – спросил я, пытаюсь стряхнуть тяжесть, которая сковала мне лицо.

– Просто ты какой-то тихий...

К столу подошли несколько парней из футбольной команды. Уселись, гогоча во всю плотку. От одного только звука их голосов мне захотелось садануть кулаком об стену.

Крис Дженкс бросил мне на тарелку ломтик картошки фри:

– Трэв, что такой хмурый? Слышал, ты трахнул Тину Мартин. Сегодня она смешивала твое имя с грязью.

– Заткнись, Дженкс, – сказал я, не отрывая взгляда от своего подноса.

Если бы я только взглянул на тупую физиономию этого придурка, я мог бы не сдержаться и сбить его со стула. Эбби наклонилась вперед и посмотрела на нас:

– Крис, замолкни.

Я поднял на нее глаза и почему-то вдруг вышел из себя. Какого хрена она меня защищает, если, как только ей скажут про водонагреватель, она соберется и в ту же секунду уедет! Даже говорить со мной больше не станет! Это было нелепо, но я почувствовал себя так, будто она меня предала.

– Эбби, я сам могу о себе позаботиться.

– Извини, я...

– Мне не нужны твои извинения. Мне ничего от тебя не нужно! – выпалил я.

Она изменилась в лице, и это меня добило. Ясное дело, она не хотела быть со мной. На кой ей инфантильный идиот, который владеет своими эмоциями не лучше, чем трехлетний пацан? Я шумно встал из-за стола и пулей выскочил на улицу.

Только усевшись на свой мотоцикл, я наконец-то перевел дух. Резиновые рукоятки руля закрипели под моими ладонями, мотор зарычал, я пинком убрал подножку и, как черт из пекла, вылетел на дорогу.

Я колесил где-то с час, и мне немного полегчало. Когда я бывал в таком состоянии, все улицы рано или поздно приводили меня к одному и тому же месту. Некоторое время я боролся с собой, но в конце концов все-таки затормозил возле дома своего отца.

Папа вышел на крыльцо и махнул мне рукой. Я разом перескочил через обе ступеньки, остановившись в шаге от него. Он тут же прижал меня к своему мягкому, округлившемуся боку и провел внутрь.

– А я как раз подумал, что ты давненько не заезжал, – устало сказал отец.

Лицо у него было одутловатое, верхние веки набрякли, под глазами мешки. После маминей смерти он несколько лет пил. Поэтому на Томаса свалилось гораздо больше забот, чем обычно бывает у детей. Но мы худо-бедно справлялись, а отец постепенно пришел в себя. Папа ни разу с нами об этом не говорил, но мы чувствовали, что он при каждом удобном случае пытается заглазить свою вину перед нами.

Хотя большую часть моего детства он пребывал в унынии или в ярости, я никогда не считал его плохим отцом. Просто смерть жены его подкосила. И теперь я представил себе, каково это. Возможно, я испытывал к Эбби какую-то крошечную долю того, что он чувствовал к маме, и все равно разлука с голубкой выбила меня из колеи.

Папа опустил на диван и указал мне на старое кресло:

– Чего стоишь? Садись. – Я сел и принялся ерзать, не зная, как начать разговор. – У тебя что-то случилось, сынок?

– Понимаешь, пап, есть одна девушка...

– Девушка... – повторил он с легкой улыбкой.

– Она меня вроде как ненавидит, а я ее вроде как...

– Любишь?

– Да нет... Не то чтобы... Просто... А почему ты так решил?

Он снова улыбнулся – теперь уже широко:

– Ну, раз ты не знаешь, что делать, и приехал поговорить о ней со своим стариком, значит, дело серьезное.

Я вздохнул:

– Мы познакомились совсем недавно. С месяц назад. Вряд ли это любовь.

– Ладно.

– Что ладно?

– Поверю тебе на слово, – просто сказал папа.

– Понимаешь, по-моему, я ей не подхожу. – Отец подался вперед и поднес пальцы к подбородку. Я продолжал: – Мне кажется, ее кто-то обидел. Кто-то вроде меня.

– Вроде тебя.

– Да, – кивнул я и вздохнул: меньше всего мне хотелось признаваться отцу в том, что я замышлял.

Хлопнула входная дверь.

– Посмотрите, кто пожаловал! – сказал Трентон, расплываясь в улыбке.

К груди он прижимал два коричневых бумажных пакета.

– Привет, Трент, – сказал я и, встав с дивана, прошел на кухню, чтобы помочь разложить покупки.

Мы обменялись приветственными ударами локтем и толчками в плечо. В детстве, если мы ссорились, мне доставалось от Трентона больше, чем от других братьев, но, несмотря на это, именно с ним у меня были самые близкие отношения.

– Кэми передает тебе привет. Жалуетса, что ты стал редко заглядывать в «Ред».

– Занят.

– Той девчонкой, с которой тебя видели вчера?

– Да, – сказал я, вытаскивая из холодильника пустую бутылку из-под кетчупа и какой-то полуразложившийся фрукт.

Выбросив все это в мусорное ведро, я вслед за братом вернулся в гостиную. Трентон с размаху плюхнулся на диван, несколько раз подскочив на подушке, и хлопнул себя по коленкам:

– Ну колись, что ты там задумал, неудачник!

– Ничего, – ответил я, взглянув на отца.

Трентон тоже посмотрел на папу, потом опять на меня:

– Я помешал?

– Нет, – сказал я и покачал головой.

Отец махнул рукой:

– Нет, сынок. Как дела на работе?

– Фигово. Я выписал чек на оплату аренды и оставил его у тебя на тумбочке. Видел? –

Папа кивнул, слегка улыбнувшись. Трентон кивнул в ответ. – Ты обедаешь с нами, Трэв?

– Нет, – сказал я, вставая, – мне уже пора ехать.

– Может, все-таки останешься, сынок?

– Нет, я правда не могу. Спасибо. И... я рад, что мы поговорили, папа.

– О чем поговорили? – спросил Трент, поворачивая голову то на меня, то на отца, как если бы мы играли в теннис. – По-моему, я что-то пропустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.